

Дарья Калинина

Сюрприз ПОД МЕДНЫМ ТАЗОМ

ИРОНИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья Александровна Калинина
Сюрприз под медным тазом
Серия «Иронический
детектив (Эксмо)»

Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24603870
Сюрприз под медным тазом: Эксмо; Москва; 2018
ISBN 978-5-04-095945-7

Аннотация

Слава очень гордился своим внедорожником, но он и не предполагал, какой сюрприз ожидает его в багажнике... А все началось вполне обыденно. Вся семейка, способная свести с ума кого угодно своими выкрутасами, собралась на праздник. Посидели, повеселились, натерпелись от чокнутого дяди Толи, который ворчал и возмущался всем, что видел. А потом он вовсе исчез в неизвестном направлении. Оказывается, дядя Толя уютно устроился в багажнике своего сына под курткой своей жены. Дрыхнет себе, в ус не дует, что родня все ноги сбила в его поисках. Но вскоре выяснилось, что дядя Толя уснул вечным сном, причем ему помогли отправиться на тот свет...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	28
Глава 3	51
Глава 4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	94

Дарья Александровна Калинина

Сюрприз под медным тазом

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Калинина Д. А., 2018

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2018

Глава 1

У Саши из груди вырвался вздох облегчения. Наконец-то после долгих выяснений отношений и того, кто прав, а кто виноват, все участники конфликта разошлись по своим углам. Теперь в тишине и покое можно и поразмыслить, как они все докатились до жизни такой.

Оглядев еще недавно празднично накрытый стол и нарядно убранную комнату, Саша лишь недоуменно покачал головой.

– И как это могло с нами случиться?

Как получилось, что праздник, столь успешно начавшийся и обещавший еще более удачное продолжение, в итоге завершился столь печально? Что они сделали не так? И самое главное, когда? Этого Саша не понимал. А между тем вздохи, которые доносились из комнаты, где укрылась мама, были настолько громкими, что напоминали плач, и Саша слышал их даже через дверь. Папа запрятался еще дальше, но идущее от него холодное отчаяние, казалось, расплзлось по всему дому наподобие противного мокрого тумана. Впору было вздеть руки к небу и воскликнуть: «Боже, за что ты нас так караешь?»

Разумеется, ничего такого Саша не сделал. Не любил он сценических эффектов. Если Бог надумал их семейство наказать, значит, было за что. Да что там думать, точно было.

Вот только бы понять, в чем именно дело? Потому что разного рода провинностей как за родственниками, так и за самим Сашей числилось предостаточно. И за какой именно из их проступков сейчас несут они свою кару? Нет ответа, нету.

Хотя одна догадка у Саши все же имелась. И судя по всему, мысли его попрытавшихся родителей двигались в том же направлении. Со стороны отца доносилось сдавленное кряканье, словно бы его душило невысказанное. А мама пошла еще дальше и озвучила свои претензии.

– Говорила же, что не надо нам дядю Толю на праздник приглашать, – сказала она так громко, что было ясно, сказано это специально для мужа и сына, а также прочих родственников, попрытавшихся в самых разных углах дома и переживающих случившееся в одиночестве. – Всякий раз от него какие-нибудь неприятности. Неугомонный человек! Никогда не знаешь, что он в следующий раз придумает, чем удивит.

Дядя Толя был Сашиним двоюродным дедом. Дядькой он приходился папе. Но мама считала все принадлежащее папе своим. В том числе и всех его родственников она также считала своими. И потому на правах ближайшей родственницы мама могла выражаться о дяде Толе со всей присущей ей от природы вольностью.

– Да, дядька у нас не подарок, – согласился с ней папа, судя по голосу, вышедший из своей комнаты. – Но в этот раз он и вовсе учудил!

Мама тоже появилась в дверях, и Саша с радостью понял,

что родители больше не сердятся друг на друга. Они нашли того, на ком могут выместить свое раздражение и злость по поводу испорченного праздника. Саша облегченно вздохнул и подмигнул Барону, который в один момент тоже повеселел.

– Сейчас родители объединят свои проклятия в адрес бедного дяди Толи, – шепнул Саша собаке. – А он им и возразить ничего не сможет!

Барон ничего не ответил, но повилял в знак согласия остатком своего хвоста. Пес тоже был рад, что виноватый найден. И значит, у них в семье все снова будет хорошо. И ему – Барону – не придется бегать от одного члена семьи к другому, всех мирить и ко всем подлизываться. Саша пригнул собаку к себе, потрепал запрыгавшего от восторга Барона по затылку и снова задумался. Мысли его были все о том же. Как все это началось?

Ведь если вернуться к сегодняшнему утру, то ровным счетом ничего не предвещало грядущей катастрофы. Совсем даже напротив. Настроение у всей семьи было приподнятое. Все большое семейство Купцовых собралось вместе, чтобы отметить любимый всеми праздник – День Победы. Родители вместе с Сашей ждали гостей у себя на даче. Праздники в Сашиной семье любили и отмечали их всегда с размахом. Но особенной любовью в семье пользовались два праздника – Новый год и День Победы.

Но если на новогодних праздниках все успевали побывать друг у дружки в гостях, так что по большому счету было не

важно, кто и к кому пришел первым, а кто уже потом нанес ответный визит, то День Победы длился всего один день. И следовательно, отметить его можно было тоже только один раз. И чтобы заслужить честь встретить гостей именно у себя в доме, нужно было еще постараться и предложить семейству нечто поистине заманчивое.

И вот Сашин отец расстарался. Втайне от всего семейства, за исключением сына и жены, с которых была взята строжайшая клятва о неразглашении, папа Лева произвел реконструкцию доставшегося ему в наследство старенького садового домика, увеличив его площадь почти в два раза за счет пристроек и переделки старых помещений. Родне он ничего не рассказывал, вместо этого пообещал, что сюрприз будет грандиозный. Это сработало. Купцовы все были любопытны. И в этом году 9 Мая было решено отметить на даче у Саши и его родителей.

Погода к этому времени установилась теплая и солнечная. Долго державшийся снежный покров окончательно сошел даже в самых труднодоступных местах – за парником и в овражке. Всюду вылезла молодая травка, на деревьях набухли почки, а в траве проглядывали разноцветные капли желтых, белых и фиолетовых крокусов и виднелись еще загнутые книзу носики первых нарциссов. Тюльпаны тоже старались изо всех сил. Усыпанная крошечными золотистыми цветочками форзиция привлекала к себе и взгляды, и пчел. Одним словом, все обещало весьма приятный день. Мама

наводила последний глянец на свой любимый сад, подметала дорожки и пропалывала клумбы от одной ей заметных сорняков. Папе с самого утра уже не терпелось похвастаться недавно завершенным в доме ремонтом, после которого довольно старенькая и еще дедовыми руками сделанная постройка приобрела совсем иной вид.

Обшитые снаружи современным сайдингом стены теперь выглядели очень привлекательно и думать забыли о том, что когда-то их покрывала всего лишь облупившаяся краска. Крыша была видна издали, она была покрыта псевдочерепицей, которая выглядела точь-в-точь как настоящая, особенно если смотреть на нее снизу. Деревянные рамы повсюду были заменены на новенькие стеклопакеты, которые придавали дому совсем уж модный вид. И даже труба на крыше оделась в новый жестяной короб, который сверкал на солнце и привлекал к себе взгляды.

Внутри дома было еще лучше. Папа полностью обшил внутренние помещения вагонкой, от которой распространился приятный аромат свежего дерева, также он перестелил пол и поменял мебель. Кроме того, он нанял мастеров-печников, которые переложили печь. И теперь вместо старенькой развалюхи, нещадно дымящей и грозящей в любой момент вовсе развалиться, стояла новая красавица с облицовкой из полированного кирпича, да еще и со специальной лежанкой, к которой можно было подобраться по симпатичной приставной деревянной лесенке, устроиться там на вы-

шитых подушках, а при желании отгородиться от всех нарядной шторкой.

Всем гостям новое убранство дома очень даже понравилось. Исключение составлял все тот же дядя Толя. Он как вышел из машины, так сразу и нахмурился.

– Что это Левка с домом сделал? Старый снес, новый поставил?

Но даже когда выяснилось, что дом тот самый, настроение у дяди Толи лучше не стало. Он как вошел в дом все также с нахмуренным лицом, так и бродил потом по комнатам в самом мрачном настроении, вертя головой и неодобрительно бурча что-то себе под нос. Весь вид дяди Толи говорил об обуревавшем его недовольстве, с которым он в конце и набросился на Сашину маму.

– Маринка! Ну, у Левки ума нет, чтобы посоветоваться, ты-то могла бы мне хоть словечко чирикнуть! Нет! Молчала!

– А в чем дело, дядя Толя?

– Что это ты позволила мужику своему в доме начудить? Для того, что ли, Петька – брат мой – жилы тут себе рвал, чтобы сынок его, муженек твой, все по-своему переделал да переиначил!

Дядю Толю пытались утихомирить всей родней. Остальным-то родственникам все понравилось. Все были согласны, что папе удалось вдохнуть в старый дом новую жизнь. Даже тетя Маша – жена дяди Толи – и та встала на сторону хозяев дома.

– Что ты, Толя, разбушевался? Много лучше стало. Раньше-то и материалов таких не было. Из чего строили? Да из чего под руку подвернется. А теперь красота какая!

Но дядя Толя лишь размахивал руками и кричал:

– Тьфу! Смотреть противно! Пластмасской столетние бревна закрыли! А мы их из Боровенки везли. У старого хозяина дом на дрова купили, а сами эти «дрова» сюда на грузовике перевезли да заново собрали. Вот как дело было! Машину нанимали. Сами грузили. Да этим бревнам цены нынче нету. А окна? Окна Петька – брат мой – своими руками строгал, а сынок его взял и все на пластик сменял! А мебель где? Мебель! Сундук бабкин? Пианино? Ни кресла нету, ни тахты! Где спрашивается? Выкинули! Мне бы лучше предложили взять.

– Кому древняя рухлядь нужна? – возмутилась тетя Маша. – Тахта давно сгнила. Да и кресла уже старыми сюда приехали. Про пианино я уж и не говорю. Нет, я такой хлам к себе в квартиру помещать не согласна!

Но дядю Толю словно какая-то муха укусила.

– Маруся! – топал он ногами на жену. – Живо иди ко мне! Уезжаем! Глаза бы мои на это безобразие не смотрели.

Насилу дядю Толю уgomонили. Да и то это случилось лишь после того, как его родной сын – Славка – заявил, что уже успел хряпнуть пятьдесят граммов «беленькой» по случаю праздника и в таком состоянии он ни за что за руль не сядет. И остальные водители транспортных средств тоже уже успе-

ли оскоромиться водкой вместе с ним. А потому везти дядю Толю никто не захочет, и папенька, если уж ему пришла такая охота скандалить, может топать до железнодорожной станции на своих двоих или же вызывать такси.

Дядю Толю такая перспектива отнюдь не вдохновила. Такси он не доверял. К тому же денег у дяди Толи обычно при себе не водилось. Даже когда он работал, деньги у него заканчивались еще в день полочки. А уж выйдя на пенсию, дядя Толя и вовсе перестал понимать, что и сколько стоит. Тетя Маша поступала проще. Она изымала у мужа пенсию, говоря, что все, что ему нужно, она сама купит.

Был бы дядя Толя помоложе, ушел бы все равно, хоть даже и пешком, но после перенесенного несколько лет назад инфаркта он хоть и восстановился, но ходил еще не так, чтобы очень уж уверенно. И проделать полтора километра до станции пешком ему показалось слишком дорогой платой за свои принципы.

Так что дядя Толя остался, но настроение у него от этой вынужденной меры не только не улучшилось, но еще больше ухудшилось. И это было странно, потому что обычно он был душой компании. Болтал всякую веселую ерунду, сыпал глупыми шуточками направо и налево, но сегодня его словно бы подменили на дядю Колю – его двоюродного брата. Вот тот и в молодости не отличался легким характером, а уж с годами он и вовсе превратился в занудного старого брюзгу, вечно всем недовольного и громогласно оповещающего всех

о том, что и трава-то раньше была зеленой, и солнце де светило ярче.

К этой особенности дяди Коли все его родственники давно привыкли и притерпелись. И одного его были еще согласны потерпеть. Но не вдвоем же с дядей Толей! Сегодня дядя Коля помалкивал, а вот дядя Толя был что-то совершенно невыносим. Он бубнил и бубнил, ругался и ругался. Родственники вежливо один раз посоветовали старику заткнуться, второй раз посоветовали, а на третий дядя Толя услышал в свой адрес от подвыпившего младшего поколения следующее.

– Не нравится, вали на... старый пенёк. Не мешай людям веселиться!

После этого дядя Толя окончательно пошел вразнос.

– Вот она молодежь-то! – завопил он, в бешенстве вскакивая на ноги. – Поглядите на них! Ни черта они не помнят! Вам, собакам, лишь бы рыло залить!

– Дядь Толь, ну чего ты завелся! Праздник же.

– Не праздник это, гнилые ваши души! Не праздник, а день памяти! День великой памяти и скорби о миллионах погибших! Не водку надо жрать с утра пораньше, а поминать бойцов Красной армии! Дедов да прадедов наших! Отца моего! Братьев его! Дядьев! Кого из них вы по именам назвать можете?

Может быть, в словах дяди Толи и была своя правда, но что-то вспомнил он о том, что День Победы – это в первую

очередь день не радости, а скорби, лишь после того, как после очередного инфаркта врачи строго-настрого запретили ему употреблять крепкие горячительные напитки.

– Ничего крепче кефира вам нельзя.

– Даже раз в году?

– Никогда!

Так они ему и сказали, навсегда поселив в душе у дяди Толи мрачное отчаяние.

А до того он каждое Девятое мая был шумно, весело и обязательно в стельку пьян. Сам он этого, вероятно, не помнил. Зато помнили другие. И они дяде Толе об этих его фокусах напомнили, что окончательно его расстроило, потому что его жена – тетя Маша – тоже была тут, и ни о каком нарушении сухого закона речи не шло.

Невозможность выпить свою порцию окончательно испортила настроение дяди Толи, который прилюдно плюнул себе под ноги и удалился прочь с видом скорбным и крайне недовольным.

– Ну и пусть катится!

– Старый дурак!

– Надоел со своими поучениями!

И даже тетя Маша хотя и посмотрела вслед своему супругу с печалью во взгляде, но осталась вместе с остальными за накрытым столом. Общим голосованием родственников было решено из комнат перебраться на свежий воздух. Благо, что было куда! Кроме всех прочих уже перечисленных ранее

улучшений, папа соорудил на участке площадку для мангала. Тут же находилась беседка и лавочки, между которыми устроили стол.

Мужчины суетились возле мангала, запекая на решетке шампиньоны и готовя всеми любимым шашлык. Сегодня шашлык был трех видов – из курятины, свинины и баранины. К каждому виду мяса женщинам полагалось свое вино, ну а мужчины довольствовались кто виски, кто водкой, а кто и просто пивом.

Тетя Маша в отличие от мужа хоть к вину была равнодушна, но зато обладала другой страстью. Она обожала почесать язычком. А где найдешь другую такую возможность, как не на общем сборище всего родового клана? Так что тетя Маша променяла свой долг на возможность посплетничать о внуках и внучках, подрастающих и потому требующих за собой особого присмотра.

И в ответ на уход мужа лишь махнула рукой:

– Пусть проветрится, ему полезно. Авось обдует его ветерком, дурь из него и выйдет.

И тетя Маша вернулась к обсуждению собственной внучки Ани, которая, по словам ее родной бабушки, совсем отбилась от рук, учиться не желала, а желала выйти замуж и даже уже кандидата себе для этого присмотрела – Юру из «Б» класса.

– А девке всего семнадцать годков стукнуло. Ну, какое ей там замужество? Ей учиться надо!

Все женщины согласно покивали и склонились еще ближе, повествуя о вовсе уж возмутительных выходках бедовой Аньки, которая и с яблони сверзилась, и в Америку с приятелем уже убегала, и мотоцикл пыталась у байкеров угнать. А все для того, чтобы поразить рыжего Юрку, предмет своего обожания, который никак не хотел осознавать своего счастья, а напротив, преданно таскался за своей одноклассницей Варенькой М.

– И куда отец с матерью смотрят?

– Валера девочек обожает. Пылинки с них сдувает. Что они ни сделают, ему все хорошо. А уж балует их как! Что ни пожелают, все к их услугам.

Что дядя Толя слишком уж долго отсутствует, все спохватились часам к трем, когда приехали припозднившиеся Витя с Сережей со своими женами. Тут надо объяснить, что клан Сашиной родни имел до недавнего времени во главе себя сразу трех патриархов: деда Петю – родного деда Саши, за ним деда Витю, самого младшего из трех братьев, и уже известного дядю Толю, который был средним сыном и вообще-то тоже был для Сашки дедом, но Сашка все равно, по примеру своего отца, называл его дядей Толей.

Двое дедов – дед Витя и дед Петя – уже устроились на погостах, каждый на своем. А вот дед Толя еще скрипел потихоньку, невзирая на два перенесенных им инфаркта. От деда Вити остались двое сыновей – дядя Коля, которому, судя по его солидному возрасту, суждено было умереть бездетным, и

дядя Сережа, у которого были двое вполне себе взрослых сыновей – Витя и Сережа. Один, названный в честь деда, другой в честь отца.

У деда Пети был всего один сын, и внук получился тоже один. Соответственно ими являлись Саша и его папа Лева. Другого потомства дед Петя на земле не оставил. А у самого деда Толи имелось двое сыновей – Славка и Валера. И у Валеры подрастали две дочки – Аня и Маня. Зато у Славы никого не было, ни жены, ни детей, был он одинок и жил со своими родителями.

Нельзя сказать, чтобы дядя Толя не пользовался в семье любовью, как уже говорилось, характер у него был веселый и разного рода шутки шутить он любил, так что случалось, поднимал настроение всем. Вот только сегодня что-то с ним произошло, был он не в духе. То ли изменения, произведенные на даче его брата, так сказались на дяде Толе, то ли не давала ему покоя заветная рюмка, до которой ему было не добраться.

Что и говорить, выпить дядя Толя любил. И по случаю, и без. Эта самая тяга к выпивке не позволила ему сколько-нибудь заметно пробиться в этой жизни. Работал дядя Толя через пень-колоду, сменил за свою жизнь ни одно место и ни одну специальность как следует так и не освоил. И самое скверное, что он просто обожал учить других уму-разуму, частенько не стесняясь в выражениях и не имея ни малейшего понятия о том, чему учит, что также не прибавляло ему

уважения близких.

И все-таки, когда приехавшие около трех часов дня Витя с Сережей выпили штрафную и перецеловались со всей родней, вспомнили и про дядю Толю.

– А где наш старый брюзга? – спросил Сережа – здоровяк и бородач с круглыми румяными щеками.

– Здоров он? – добавил Витя, который отличался от брата чуть меньшим ростом, но зато компенсировал это шириной плеч. – Что-то он не спешит объяснить нам, что опаздывают на редкие семейные сходки только законченные уроды.

– И впрямь! – удивился кто-то из родственников. – Куда это наш дядя Толя подевался? Давно его не видно.

Стали искать. В доме дяди Толи не оказалось. В саду его тоже не наблюдалось. Слава – сын дяди Толи, когда его вызвали для обсуждения ситуации, попытался позвонить отцу, чтобы выяснить, где тот прохлаждается. Тщетно. Мелодия телефона заиграла в сумке у тети Маши. Там же вскоре нашелся и сам телефон – старенькая кнопочная «Нокиа».

– Где же батя? – растерянно пробасил Слава. – Давно я его персоны не видел.

Все дружно принялись вспоминать, кто и когда в последний раз видел дядю Толю. Получалось, что приехал он с женой и сыном часов в десять, около часа длилась обзорная экскурсия, на протяжении которой дядя Толя ворчал и сердился на все эти новшества, которые стали для него полнейшей неожиданностью. Потом собирали стол у мангала, за ко-

торым дяде Толе не позволили выпить ни капли. Видимо, это и стало последней каплей в чаше его терпения, после чего последовал взрыв. И было это около полудня.

– То есть с момента его исчезновения прошло уже более трех часов.

– Кто-нибудь его видел за это время?

Все снова принялись вспоминать. И очень скоро пришли к единому мнению, что после той утренней экскурсии по обновленному дому, которая вызвала у дяди Толи такое неудовольствие, его никто из родственников больше не видел. Это было странно, потому что дядя Толя при всех его минусах обладал одним драгоценным качеством: он был отходчив.

– Просто батя не может долго сердиться на один наш косяк, ему нужно время, чтобы успеть разозлиться уже на следующий.

Да, дядя Толя любил разнообразие. И можно было не сомневаться, успокойся его душенька по поводу учиненного в доме брата свежего ремонта, дядя Толя уже нашел бы к чему прицепиться снова. К примеру, фонарный столб уже вызвал пару его косых взглядов. По мнению дяди Толи, столб был поставлен слишком близко к фруктовым деревьям, а значит, мог либо сам представлять для них угрозу, либо напротив деревья могли повредить протянутые от столба провода. А там жди беды. Оборванный кабель на земле – это вам не шуточки.

Даже странно, что дядя Толя сразу же не сделал новый

выговор Сашкиным родителям, что не уследили за мастерами, позволили установить столб в таком неподходящем месте. Наверное, оставил этот повод для следующей беседы. Однако все понимали, что в этот раз дядя Толя что-то подозрительно долго дулся на своих родственников. Неужели нанесенная ему обида была столь глубока?

– Не может быть, чтобы он на нас обижался до сих пор, – отмахнулась тетя Маша. – Да мой Толя на дню до десятка раз цапается и мирится с людьми. И это еще в хороший день. А уж когда он не в духе...

Тетя Маша не договорила, но все и так ее поняли. Вся родня прекрасно знала, каким дядя Толя может быть и как ловко он умеет находить все новые поводы для неудовольствия. Веселое настроение сменяется у него приступом раздражительности в один миг. А потом, глядишь, через полчаса дед Толя снова весел и шутит со всеми. Но вот чтобы продержаться целых три часа в гордом одиночестве и обиде, такого за ним не водилось.

– Надо искать бату, – заметил Слава, и все прочие с ним согласились. – А то что это получается? День, считай, прошел, а он по матушке никого еще и не послал, не считая наших дорогих хозяев.

– Да ведь это еще утром было.

– И с тех пор такое затишье.

– С чего бы это?

– Непорядок.

– Как бы не случилось с ним чего.

– Все-таки уже не мальчик.

Придя к такому выводу, родственники засуетились. Не тратя времени на разговоры, они оперативно разбились на группы и разбрелись по округе в поисках дяди Толи.

– Далеко не ищем, далеко уйти он не мог, с его-то палкой.

Так что в приоритете у поисковиков было три маршрута – магазин, речка и автобусная остановка, до которой было все же ближе, чем до железнодорожного полотна. Правда, рейсовые автобусы ходили из садоводства в город всего три раза в день. Два из этих рейсовых автобусов сегодня уже посетили садоводство, а третий должен был приехать лишь в восемь вечера.

– Если дядя Толя и уехал на автобусе, то только на том, что приходит в час дня.

Но остановка все равно не пустовала. В промежутках между рейсами муниципального транспорта на ней дежурили желающие подработать частники. Вот у них родственники пропавшего дяди Толи и хотели выяснить, не видел ли кто из них приметного старичка с палочкой.

– Вряд ли дядя Толя решится прибегнуть к услугам частников. Хоть они берут и дешевле такси, а все равно для него это слишком дорого.

Так и случилось. Частников на остановке было всего двое. И они заверили, что никакие старички ни с палками, ни с тросточками, ни даже на костылях с самого утра тут не по-

являлись.

Следующей точкой, куда мог направиться дядя Толя, был магазин. Там продавалось спиртное по вполне себе сходным ценам. Не дороже, чем в городе. И родственники предполагали, что дядя Толя решил из духа противоречия, а также в честь праздника наплевать на «сухой» закон, установленный для него родней.

– Выпить – это дядя Толя не дурак.

Возле магазина уже наблюдалось заметное скопление народа. Кто-то притащил из дома баян, и теперь над округой лилась красивая печальная мелодия «Катюши». Некоторые подпевали, другие плакали, вспоминая при звуках этой трогательной песни павших в боях за Родину близких. Но среди желающих отметить праздник дяди Толи по-прежнему не наблюдалось.

Не было его и среди кучки старичков, уютно устроившихся под раскидистой столетней липой с выпивкой и закуской. Хотя старички казались почти точной копией дяди Толи. Ехидные, сухощавые, явно небогато живущие и любящие заложить за воротник российские пенсионеры. Самое место было бы дяде Толе устроиться с ними. Наверняка нашлось бы множество тем для разговоров.

– Старичок? – переспросил один тощий дед, выполнявший обязанности тамады и разливавший водку и портвейн по пластиковым стаканам. – Может, и был такой. Мы учет не ведем. Спросите у Раиски в магазине.

Раисой звали продавщицу. Но она, замотанная всеми этими праздничными хлопотами, лишь отмахнулась от вопросов Саши и его родных.

– Какой еще дядя Толя? Разве тут уследишь! У меня вы все уже в один хоровод слились. Даже не соображу, кто такой и откуда. Вот на вас смотрю, вроде как знакомые лица, а кто вы, на какой улице живете, даже и не пойму.

Оставалась речка. Место тишины и уединения. Удочки для рыбалки спокойно и без всякого присмотра стояли у Сашиного отца в сарае. Рыбацкие снасти лежали там же. По идее дядя Толя мог самостоятельно снарядить себе удочку, никого не оповещая, накопать на компостной куче червей да и двинуться потихоньку на речку. Он был заядлый рыбак и, купив себе «чекушку», мог провести праздник и без шумной компании, просто на лоне природы.

Но когда поисковики вышли на это самое лоно, они поняли, что дядя Толя тут вряд ли бы задержался надолго. Никакой тишиной и уединением здесь и не пахло, а пахло дымом и шашлыками. Весь берег был усеян разношерстными компаниями. В нескольких местах громко играла музыка. Кричали, бегали и играли дети. А детей, особенно маленьких и шумных, дядя Толя во время рыбалки вообще не выносил. Вряд ли бы он долго вытерпел их соседство. Тем более что шалуны забавлялись игрушечной моторкой, которая на радиоуправлении носилась по речке, с оглушительным шумом рассекая воду. Всю рыбу, какая была, распугали.

– Не видели ли вы тут сварливого старичка, который велел вашим детям заткнуться?

– Вроде как был один, скандалил. Да мы его шугнули, он и ушел.

– А куда ушел? В каком направлении?

Родители детей указали в сторону станции.

– Значит, все-таки в город решил ехать!

Но если бы дядя Толя уехал в город, он уже должен был бы добраться до городской квартиры. А когда тетя Маша позвонила домой, ей никто не ответил. Нервозность нарастала. После неудачных поисков желание отметить праздник шумно и весело у родственников как-то угасло. Всем было неуютно от выходки дяди Толи и все на него сердились.

– Вот человек! Ни себе, ни людям!

– Испортил все-таки веселье.

– Уж в такой день мог бы удержаться от своих фокусов!

Сильней всех волновались жена и сын исчезнувшего дяди Толи. А потому и сердились они тоже сильней всех. Славу даже пришлось уговаривать, чтобы он отказался от идеи наброситься на папашу сразу, как тот придет.

– Потом тихонечко с ним дома поговоришь. Объяснишь, что так нельзя.

Слава чуть не плакал от эмоций:

– Если он до семидесяти лет дожил и сам не понял, как нужно себя вести, думаете, мои слова его вразумят?

Тетя Маша отнеслась к исчезновению мужа гораздо ров-

ней.

– Если Толя уехал в город, значит, мы уже ничего поделать не можем. Его выбор и его решение.

Это заявление, сделанное подчеркнуто спокойным голосом, не мешало тете Маше звонить каждые десять минут на домашний телефон. Потом она догадалась позвонить соседке, у которой были ключи от квартиры и которая любезно согласилась сходить к ним домой и проверить, не появлялся ли дядя Толя дома. Спустя какое-то время соседка перезвонила и сообщила, что его нету. И вообще, непохоже, чтобы он дома появлялся.

– Значит, не уехал, – решила тетя Маша. – Значит, тут где-то прячется.

– Может, к друзьям завернул?

– К каким друзьям? – слишком быстро возразила тетя Маша. – Скажете тоже! Друзья у Толи все перемерли.

– Может, на кладбище к ним поехал.

А вот этот вариант тетя Маша не стала отвергать. Более того, она задумалась.

– Про кладбище Толя вообще-то говорил, – призналась она. – Он изначально предлагал Славе сначала к деду Коле заехать. Да Слава не согласился.

Дед Николай был отцом трех дедов, трех братьев – Толи, Пети и Вити. Саше он приходился прадедом. И Саша сизмальства заучил, что прадед у него герой. Дед Коля прошел всю войну, служил в артиллерии, дослужился до капитана

и встретил победу на берегах Одра. Рассказы о его фронтовых подвигах стали семейными преданиями. Особенно память деда Коли возвеличилась в семейном кругу после того, как его имя было найдено внуками на сайте «Подвиг народа», где черным по белому были перечислены все его боевые награды с кратким, но емким перечнем того, за что Купцов Николай Иванович был награжден тем или иным орденом.

«Невзирая на огонь яростно сопротивляющегося противника, капитаном Купцовым было обеспечено бесперебойное снабжение артиллерийскими снарядами, что позволило нарастить силам Красной армии огневую мощь и осуществить переправу через реку Одер в кратчайшие сроки».

И маленький Саша, слушая рассказы взрослых, так и представлял рвущиеся над головой прадеда снаряды, взлетающие в небо комья земли, стоны раненых – своих и чужих, между которыми пробираются полуторки, до самого верха нагруженные ящиками с артиллерийскими снарядами, которые уже через несколько минут полетят на головы фашистов.

Саше даже казалось, что он и сам сейчас, спустя много десятков лет чувствует запах пороха и раскаленного докрасна металла стволов орудий. Интересно, а что чувствовал сам прадед? Страх? Гордость за самого себя и свою Отчизну? Или им владела та же мысль, которая прочно засела в головах у всех, кто сражался рядом с ним: «Вперед! Не дать врагу опомниться! Любой ценой вперед, ни шагу назад!»

Потому что назад отступить им всем было некуда. Позади них была Россия.

Глава 2

Прадед был похоронен на маленьком сельском кладбище, которое располагалось неподалеку от садоводства. Ну хотя, как неподалеку? Полчаса туда на машине ехать все же было надо. Конечно, найти 9 Мая во второй половине дня трезвого человека, способного сесть за руль, было равносильно чуду. Но такое чудо в семье Купцовых имелось.

– Я могу сесть за руль, – вызвался Саша, чувствуя на себе восхищенные взгляды женской части общества и недовольные мужской.

– Ты уверен?

– На сто процентов!

И Саша совсем не хотел выпендриваться. Он и впрямь был способен сесть за руль. С самого утра он всего лишь пригубил рюмку, символически помянув тем самым павших в боях предков. И больше к спиртному он не притрагивался, налегая на лимонады и соки. Ну что поделать, не любил Саша выпивку. Да и Барон очень уж подозрительно начал принюхиваться, стоило хозяину выпить. А наутро так тарачил и закатывал свои выразительные глазищи, что Саше прямо совестно становилось так мучить своего пса.

С того момента, как Саша взял в руки рюмку, прошло изрядно времени. И даже тот малюсенький хмель давно из Саши выветрился. Что там здоровенному полнокровному

парню какие-то десять-пятнадцать граммов водки, организм давно их переработал. И теперь ни один гибэдэдэшник не мог бы придрататься к выхлопу из мощной Сашкиной груди.

До кладбища было ехать всего ничего. И когда в этот предзакатный час они подъехали к невысокой оградке, сердце у Саши екнуло. Принаряженные пестрыми венками могилки были видны еще издалека. Вот и могила деда, почти у самой ограды. Могильный памятник сверкает в лучах солнца. Ясно, что полированный гранит помыли совсем недавно. В цветнике чьей-то заботливой рукой убраны все упавшие листья, пожухшая прошлогодняя трава и прочий мусор. Земля взрыхлена грабелями, причем бороздки совсем свежие. Земля даже еще не успела подсохнуть.

– Странно. Вроде бы никто из наших не говорил, что ездил на могилу к деду Николаю.

И впрямь, основное утреннее недовольство дяди Толи как раз и заключалось в том, что сын не согласился завернуть к кладбищу. Слава руководствовался вполне логичными соображениями, что отрезок дороги к кладбищу был не ахти в каком состоянии. Что весна в этом году выдалась поздняя. И что дорога еще толком не просохла. Впору увязнуть и застеть днищем в грязюке.

– На Троицу съездим. Дед Коля нас поймет.

Так же рассудили и прочие родственники. Никто из них не обмолвился, что заезжал к деду Николаю и бабе Ане, похороненной тут же. Ее могила располагалась слева от могилы

мужа. Прабабушка Аня намного пережила своего мужа-героя. И хоронили ее уже на памяти Саши. Но сейчас ее могила оставалась неприбранной. Если у деда Николая был полный порядок, то могилка бабушки Ани выглядела так, как и должна была выглядеть после длинной зимы. Слежавшиеся листья, потускневший гранит памятника. И никаких свежих цветов!

Но у деда Николая цветы были. Значит, кто-то тут был. А кто? Ведь пока дядя Толя переживал, как же там дед останется неухоженным, когда у всех вокруг будут свежие цветы и венки, никто из родичей не утешил его, сказав, что уже побывал на могилке и почтил память предка. Может быть, Витя с Сережей заглянули? Они приехали позднее остальных. Но покосившись на братьев, Саша понял, что и они пребывают точно в таком же недоумении, как и он сам.

– Кто это тут побывал?

– Разве не вы? – удивился Саша.

– Не по-нашему прибрано! – возразил Витя.

А Сережа ткнул пальцем в большой букет, собранный из крупных аляповато ярких цветов, который красовался сейчас в изголовье у самого памятника.

– Искусственные цветы у нас для могил никогда не брали. Живые всегда сажаем.

Саша покачал головой. В каждой семье есть свои традиции. И их семья тоже не была исключением. Были у них свои традиции во всем. В церемонии застолья. В ритуалах празд-

ников. Это же касалось и ухода за могилками. Да, на своих могилах Купцовы всегда сажали живые цветы. И на могиле у деда Коли, сколько себя помнил Саша, всегда цвели ландыши, незабудки и какие-то маленькие розовенькие цветочки, напоминающие колокольчики. Они прятались в ажурной листве и выглядели очень мило и трогательно.

Конечно, не обходилось и без искусственных цветков, как же без них. Тетя Маша всегда говорила:

– Живые цветы им сажаем, потому что предки живы для нас, они живут в нашей памяти. А искусственные цветы – они мертвые, потому что все-таки, как ни крути, а предки наши уже не с нами.

И поэтому весной или осенью, когда живые цветы еще спали, в могилку для оживления картины втыкали несколько искусственных цветков. Но именно, что несколько, а не целую охапку. И это были скромные цветочки. И к тому же искусственные цветы старательно маскировали живой зеленью, чтобы казалось, что это настоящие цветочки выросли тут посредине холодной осени. А чтобы вот такой откровенно искусственный букетище притащить, который даже фотографию на памятнике закрывает и надпись частично, в этом Саше чудилось что-то постороннее и чужеродное.

– Дядя Толя, что ли, тут похозяйничал?

Оставалось признать, что букет и прочее – это дело рук оторвавшегося сегодня от их коллектива дяди Толи. Задумчиво наклонившись, Саша поправил цветок в необычайно

пышном и ярком букете, собранном из подсолнухов почти в натуральную величину, алых маков и чего-то наподобие лилий, которые больше напоминали колокола.

И выпрямляясь, вдруг услышал:

– А что это у тебя на рукаве?

Сережа указывал на непонятно откуда взявшееся пятно. Саша прикоснулся к пятну. Оно пахло растворителем и пачкало пальцы.

– Краска! – осенило его. – Свежая краска! Кто-то совсем недавно покрасил ограду.

Теперь было ясно, кто бы тут ни побывал, этим кем-то вряд ли мог быть дядя Толя. У того при себе не было ни кисточек, ни краски, ни прочего необходимого для такой работы инструмента. Да и чего греха таить, не любил дядя Толя лишний раз руками работать. Он все больше языком молол. И всякий раз как-то так получалось, что другие работали, а дядя Толя сидел рядышком, балагурил, либо поучал, как надо работать, а еще чаще критиковал и обещал, что сейчас им покажет, но почему-то слова своего никогда не держал.

– Сторожа, что ли, разыскать да и спросить, кто тут сегодня хозяйничал.

Но сторож, когда братья Купцовы его нашли, в ответ лишь возмутился.

– Разве у меня других дел нету, кроме как следить за всеми? Столько народу сегодня было! Приезжали, убирали, мыли, красили. Вам лучше знать, кто вашу могилу навещает.

Оставалась надежда на женщину, которая торговала искусственными цветами у входа на кладбище. Перед ней был выставлен весь ассортимент товара. И подобные нарядно-аляповатые букеты тоже имелись. Один был вообще точь-в-точь как их.

Но когда братья принесли букет и продемонстрировали его продавщице, та лишь удивилась:

– Чем не нравится работа? Свекровь моя делала. Никто еще на ее вкус не жаловался. Огромный опыт у женщины, больше полувека она такие букеты вяжет.

– Претензий к букету у нас нет.

– А если нет претензий, чего хотите? Назад не приму, он у вас уже в земле побывал. Не кондиция.

– Кто у вас его купил, вы помните?

Тетка наморщила лоб.

– Три таких букета у меня сегодня с утра было. Один остался. Два купили.

– Кто купил?

– А я помню? Вроде бы мужик какой-то. Или баба? Нет, не помню. И отстаньте от меня, голова от вас уже разболелась.

Так и не уразумев, кто же мог побывать на кладбище на могиле дедушки Николая кроме них, все трое вернулись назад. Настроение у них было подавленное.

– Кто это к деду шастает, пока нас нету?

– Может, перепутал кто?

К этому времени солнце уже садилось. На улице ощути-

мо похолодало. И тетя Маша, узнав, что последняя гипотеза оказалась пустышкой, за своего мужа встревожилась уже не на шутку.

– Вот старый дурень! В одной рубашке утопал! Замерзнет, простудится, а мне потом его лечить!

– Действительно, холодает.

– Слава, сынок, как бы мне самой не заболеть, – зябко передернула плечами тетя Маша. – У меня в машине куртка была. Принеси мне ее.

– У меня в салоне ничего нет, мама. Я смотрел перед тем, как машину закрыть.

– А она не в салоне, она в багажнике лежит.

– В багажнике?

Казалось, Слава удивился, но спорить с матерью больше не стал, а молча направился к воротам, за которыми стояла его машина.

– Саша, сходи с ним, – попросила тетя Маша. – Посмотри, дойдет ли.

Саша поднялся. Тревогу тети Маши, доберется ее сын до машины или нет, можно было понять. За целый день Слава очень прилично залил в себя сорокаградусной настойки, и сейчас его порядком пошатывало. Пару раз Саше даже пришлось поддержать Славу, иначе тот мог завалиться на обочину дороги. Вот до чего дело дошло!

Гости прибыли на пяти машинах, плюс имелась еще машина самих хозяев – родителей Саши. Все машины загнать

во двор дома было физически невозможно. Там поместилась машина самих хозяев, и с большим трудом втиснули еще один автомобиль, по стечению обстоятельств Сережи с Витей, на котором последними прибыли братья вместе со своими женами.

Четыре оставшиеся машины, в том числе «Ауди» дяди Сережи и тети Кати, и скромненькая «Приора» дяди Коли с тетей Верой, а также внедорожник Славы и его родителей и машина его брата Валеры с женой стояли вдоль забора. Слава с родителями приехал первым, но машину свою он поставил дальше всех по улице. Так что сейчас до нее идти им пришлось метров пятьдесят, и пока они шагали, Саша прямо устал выравнивать траекторию движения своего подгулявшего родича.

Хорошо еще, что их никто из посторонних не видел. Сама улица заканчивалась домом Сашиных родителей. Дальше за ним был лес, и мимо их забора чужие машины практически не ездили. А соседей в доме напротив сегодня не было. В общем, когда Слава все же не удержал равновесия и завалился на свежую травку у обочины, то этого позора никто, кроме Саши, который тут же кинулся помогать, не увидел.

Но Слава помощи не желал:

– Отстань! Сам встану!

Слава цеплялся за железные столбы забора, пытаясь подняться. Упорства и силы ему было не занимать. Столбы дрожали, того и гляди вырвет их ко всем чертям да вместе с бе-

тонным основанием!

– Слава, ты потише! – взмолился Саша. – Отец на этот забор целый год копил. Не надо столбы расшатывать. Давай лучше руку! За меня цепляйся. Оставь столбы в покое.

Но на Славку нашел дух противоречия.

– Отстань, кому сказал! – взбешенно заорал он. – Что я не мужик, что ли? Сам встану!

И начинались новые мучения. Наконец Саша уразумел, что Слава тратит слишком много драгоценных сил на то, чтобы отбиваться от него. И если Саша хочет, чтобы в этом деле у Славки был прогресс, надо ему отойти в сторонку и стоять там тихонько. Так он и сделал. И к его удивлению, Слава и правда поднялся. Сначала встал на четвереньки, потом осторожно на одно колено, на другое, а затем выпрямился. Вид у него был гордый неимоверно.

– А ты думал, что я не смогу. Да я все могу!

Теперь на Славку нашел стих похвастаться, и он принялся засыпать Сашку перечнем своих достижений. В трезвом состоянии Славка был молчун. Но как выяснилось, ему было что сказать. Саша узнал и о том, что Слава взял квартиру в ипотеку. И о том, что на нем, помимо ипотечного, висят еще три кредита, каждый из которых он успешно погашает из месяца в месяц.

– Скоро я совсем с долгами расплачусь.

Саша удивился. Он знал, как педантично лишает тетя Маша своих мужчин их доходов. Все заработанное изымалось

в семейный бюджет, которым она распоряжалась единолично. И не в правилах тети Маши было выделять на члена семьи большую сумму, нежели он внес в общий котел. Меньше можно, больше ни-ни! Как же при таком положении дел Славка собирается расплатиться со всеми своими долгами да еще скоро?

– И тогда я женюсь!

Это заявление Сашу удивило сильнее всего. Сколько он знал Славу, тот был одинок. А знал Саша его всю свою жизнь, потому что Слава был старше него. Славе уже катило к сороковнику. И никогда рядом со Славой никто женщин не наблюдал. А если вспомнить, как Слава краснел и смущался, стоило на горизонте появиться более или менее молодой или просто симпатичной женщине, как в голову закрадывались мысли о том, уж не девственник ли он.

Вот Валера тот был совсем другой. Недостатка в женском внимании у него никогда не было. Всегда возле младшего брата толклись самые отборные красавицы. И женился он очень рано. Едва ему стукнуло двадцать, как на пальце у Валеры появилось толстенькое обручальное кольцо. Правда, носил он его недолго. И через пару лет последовал развод, после чего Валера повел в ЗАГС уже другую девушку.

Второй брак оказался более удачным. Жена родила Валере двух девочек. И все трое дружно и совершенно не скрывая своих чувств, обожали Валерку, к видимому удовольствию тети Маши, которая, что там греха таить, тоже куда теплей

относилось к младшему своему отпрыску. И что самое удивительное, даже теща любила Валеру.

И что уж совсем странно, со своей первой женой Валера умудрился сохранить хорошие отношения. И когда при разводе встал вопрос о разделе совместно нажитого имущества, бывшая супруга без слов согласилась поделить их трешку на две отдельные квартиры. И Валере досталась симпатичная однушка в новом доме. Объяснение было одно, после того рая, в котором Валера прожил с первой супругой, он уже не может вернуться и жить как раньше вместе с престарелыми родителями и братом-неудачником. Как Валере удалось внушить брошенной супруге такой взгляд на вещи, оставалось загадкой для всех, кто был в курсе.

Такой вот был расклад в этой семье. Младшему сыну доставалось всегда все, а старшему судьба вместо пряников то и дело совала под нос фигу с маслом. И все же Саше был куда симпатичней неуклюжий и тяжеловесный Слава, чем вертлявый и подвижный Валерка. Последний напоминал ему коварного библейского змия, сумевшего околдовать Еву и склонить ее к греху. Вот и Валера был такой же, сладкоречивый, но очень сильно себе на уме и всегда точно знающий, чего он хочет.

– Сашка, слышь, чего я тебе покажу, – произнес неожиданно Слава вполне трезвым голосом.

– Что?

Саша с удивлением обнаружил, что пока он витал мысля-

ми невесть где, Славка уже добрался до своей машины и теперь стоит над открытым багажником и пялится в него.

– Ты поди сюда и посмотри.

Голос у Славки был загадочным и, пожалуй, что довольным. Такой голос бывает у человека, который приготовил другому какой-то сюрприз. Но что там такое? Саша подошел ближе и встал рядом со Славкой. В первую минуту он не понял, зачем Слава его позвал. В багажнике машины было не прибрано. Лежала записка и кроме нее валялись какие-то коробки, бутылки, свертки, ветошь. Куртка тети Маши тоже лежала тут. Решив, что Слава хочет, чтобы он взял куртку, Саша протянул за ней руку.

Но Слава отреагировал неожиданно:

– Не тронь!

Саша вздрогнул и замер. От громкого окрика у него мороз пробежал по коже. Ему показалось, что даже верхушки елей в лесу качнулись.

– Ты лучше сначала посмотри.

Справившись с первоначальным шоком, Саша пригляделся. А приглядевшись, ахнул.

– Славка... Это что же... Дядя Толя?

– Ага. Батя. Забрался и спит.

Саша улыбнулся. Ну дает дядя Толя! Пока они всю округу обегали в его поисках, он уютно устроился в машине своего сына под курткой своей жены. Куртка большая, теплая, дяде Толе под ней вечерняя сырость нипочем. Дрыхнет себе и в

ус не дует, что они все ноги себе сбили, ища его.

– Надо остальным сказать.

– Пошли, – согласился Слава. – Скажем.

– Будить не будем, пусть все посмотрят, что за жук наш дядя Толя.

Слава и с этим предложением был согласен. Вообще, обратный путь дался им легче. Саша давно заметил, что назад возвращаться всегда проще. Даже кони, почуяв родной дом, бегут шибче. Вот и Славка назад долетел как на крыльях. И ни разу не упал. И даже почти не шатался. Похоже, от радости он немного отрезвел.

– Мам, пойдем. Покажу тебе батю.

– Нашел! – обрадовалась тетя Маша. – Сыночка мой дорогой! Нашел папашу! Где он?

– Пойдем, мама. И вы все тоже пойдемте вместе с нами.

Разумеется, дважды повторять никому не было нужды. Все тут же вскочили на ноги и выразили горячее желание отправиться следом за Славой. Тот шел впереди, то и дело прыскавая в кулак и всем своим видом показывая, что недолгая прогулка будет того стоить. Славка был в прекрасном расположении духа. Во-первых, он был в центре внимания. Во-вторых, его все кому не лень хвалили на разные голоса. И даже его собственная мать, от которой Славка за всю свою жизнь и два ласковых слова подряд вряд ли слышал, тут не поскупилась на похвалу.

– Славочка! Сыночек! – восклицала тетя Маша на каждом

ходу. – Вот умничка! Вот молодец!

И даже бросила и вовсе сакраментальное:

– А Валерка – чурбан стоеросовый, и не почесался, чтобы отца отыскать!

Это уж было из ряда вон, и Славка расцвел от удовольствия. Впрочем, сам Валера равнодушно отнесся к материнским разоблачениям. Всем своим видом он показывал, мол, чепуха какая, подумаешь, нашел Славка отца. Он бы сам его в два счета нашел, кабы захотел хорошенько. И еще быстрее отыскал, была бы охота!

– Если батя спрятался от всех, значит, отдохнуть от нас собирался. И не фиг его было дергать.

И как-то так получилось, что одной этой фразой Валера спустил Славку с небес обратно на землю. Мол, и не герой никакой его старший брат, а так... противный надоеда.

Слава кинул на брата обиженный взгляд и пробасил:

– Пришли. Тут он.

Первой к багажнику устремилась тетя Маша.

Она подергала мужа за рукав, громогласно возмущаясь:

– Толя! Толя, просыпайся! Вставай, кому говорю! Холодный ты какой!

Дядя Толя на ее крики не реагировал. Он все также лежал, свернувшись калачиком под курткой, и совсем не собирался просыпаться.

– Ишь, чего удумал, ото всех прятаться! А если бы мы тебя не нашли? Что бы тогда было? Замерз бы совсем! Небось не

лето на улице! Вставай! Не слышишь, что ли?

Но несмотря на всю тряску, крики и суету, которую подняла тетя Маша вокруг своего мужа, дядя Толя так и не пошевелился. И глаз не открыл. И лицо у него было какое-то очень уж бледное.

– А ну-ка, тетя Маш, – вмешался Лева, Сашин отец, – отодвинься-ка ты в сторонку, пожалуйста. Дай мне посмотреть.

Он наклонился над дядей Толей, присмотрелся к нему, и Саша увидел, как лицо у отца сделалось каменным. Затем он взглянул на жену Вити – Надю.

– Надюш, ты же у нас, кажется, врач. Не помотришь?

Слава возмутился:

– Я – сын! Я и посмотрю!

Саша думал, что его отец уступит, но тот твердо стоял на своем:

– Тут нужен врач.

– Да я же стоматолог! – засмушалась Надя.

Но все-таки подошла к багажнику. Вдвоем они заслонили от прочих родственников дядю Толю.

И родня немедленно заволновалась:

– Что там такое? Что случилось?

– Приступ у него?

– Кома?

– Инфаркт?

Внезапно Надя пискнула. И ноги у нее подкосились. Но упала она не в руки своего мужа, Витя зевал в это время где-

то в сторонке. Подхватил падающую женщину Славка. Он бережно прижал ее к груди и загудел ей над ухом своим басом:

– Надя... Надюша...

Надя пришла в себя за считанные секунды. Она открыла глаза и строго взглянула на Славу:

– Отпусти меня!

– Но...

– Я в порядке!

Тут уж спохватился и Витя. Он мигом оказался рядом, волком глянув на Славку. Но Надя даже не обратила внимания на этих двоих. Она повернулась к Сашиним родителям и сказала:

– Он мертв!

Это были самые страшные слова, которые доводилось слышать Саше за последнее время. Покойник у них в доме! Ладно, пусть не в доме, а около дома, но возле их дома! И дело произошло на Девятое мая! И теперь вся родня будет помнить, как Лева и Марина хотели похвастаться своим домом, собрали на праздник всю родню, и вон что из этого вышло. Дядя Толя помер от их праздника. Только этого не хватало!

Но оказалось, что самое худшее еще впереди.

– А отчего он умер? – спросил кто-то у Нади. – Сердце или что?

– Нет, не сердце.

– А чего еще? Больше у него ничего не болело.

Надя молча откинула куртку, и все ахнули. А тетя Маша, так та даже за сердце схватилась, и ее можно было понять. Под курткой обнаружилось, что все тело дяди Толи покрыто следами от сильных ударов. Синяки, кровоподтеки, ссадины. Все это было наглядным свидетельством тех истязаний, которыми подвергся дядя Толя незадолго до смерти.

– Бедный! Его били!

– Может, сам свалился. В канаву или с холма упал. Если долго по камням катиться, то можно и не такие синяки набить.

В пользу этой гипотезы говорило многое. В том числе и одежда самого дяди Толи, которая пребывала, скажем так, далеко не в самом отутюженном состоянии. А ведь утром дядя Толя приехал напوماженный и накрахмаленный, словно жених на свадьбе. Тетя Маша всегда строго следила за опрятностью своих мужчин. И уходил дядя Толя пусть и в обиде, но при этом в брюках со стрелками. А теперь вместо стрелок на брючинах зияли прорехи.

– Похоже, дядя Толя изрядно повалился на голой земле. Вся одежда в пятнах глины и песка.

– А как же он до машины добрался? Сам?

– Добрался как-то и отдохнуть прилег.

– Если сам и если в помощи нуждался, почему к нам не пошел? Зачем в багажник полез?

Тетя Маша, до которой наконец дошло, какой удар их всех

постиг, пустилась в слезы:

– Ах, Толенька мой, Толенька! Нехорошо как ты от нас ушел. В обиде с тобой расстались!

Саша почувствовал, как у него защипало в носу. Особенно когда и другие родственницы принялись голосить:

– Прости ты нас, Толя! Мы же не думали, что так дело повернется!

Надя поманила Сашиного отца в сторону и сказала:

– Дядя Лева, надо вызвать полицию.

– Это еще зачем? Врачей позовем, и будет.

– У покойного на теле следы многочисленных травм и ушибов.

– Да он сам свалился!

– Этого мы не можем знать точно, – строго произнесла Надя. – То ли дядю Толю перед смертью избили, то ли он сам пострадал, где-то очень неудачно упав несколько раз, но ни один врач не согласится забрать тело прежде, чем все тут осмотрят полицейские. И дядю Толю включительно.

– Это же какие проблемы нас всех ждут!

Саша слышал, что в голосе отца отчетливо слышится тоска.

– Не спорю.

– Тогда хоть вы уезжайте. И других гостей заберите.

– Ни в коем случае! Все должны остаться здесь. Мы же все получаемся свидетели!

Так все и вышло. Прибывшие полицейские не стали скрывать своего видения вопроса.

– Это следы от побоев! – категорично заявил один из них – коренастый и усатый дядька, по виду и манере держаться старший над остальными. – Я следы от побоев от любых других даже во сне отличу. Вот разбудите меня среди ночи, покажите мне два трупа и спросите, что это у нас тут такое, Мефодьич? И я вам сразу скажу, тут передоз, а тут смерть от побоев. Вашего старичка перед смертью кто-то знатно оприходовал. Небось от этого он у вас и помер.

– Но крови не видно.

– Ну и что? Думаете, только от проникающих ранений человек может скончаться? Много ли такому старичку нужно. Стукни его покрепче, он и коньки отбросит. Он у вас сердечник?

– Два инфаркта.

– Вот видите! – обрадовался усатый Мефодьич. – А я что говорю? Избили вашего дедушку. От множественных побоев он и скончался. Преступление, граждане.

– Но кто мог это сделать?

– Из вас кто-нибудь личную вражду к покойному испытывал?

Вопрос поставил всех в тупик. Каждому из родственников в тот или иной момент хотелось своими руками пристукнуть колкого на язык дядю Толю. Но одно дело мечтать о том, как колотишь его словно бойцовскую грушу, и совсем

другое, действительно избить с такой жестокостью. Дураков среди родственников, чтобы признаваться, не наблюдалось, поэтому все дружно помотали головами.

– Я почему говорю, что старики бывают просто невыносимы. Бурчат, ворчат, всех поучают. Ваш был таким?

Откровенно врать полиции никому не хотелось. Пришлось родственникам подтвердить, что их дядя Толя был далеко не ангел. И шутки у него зачастую были весьма сомнительного характера. И дурачить он своих близких любил. И ненадежный был человек, мог денег занять, а потом забыть. И еще отрицать сам факт долга. А потом вдруг взять и вспомнить, когда уже все вокруг про этот долг забыли, но при этом все равно не отдать. Или отдать, но спустя много лет и уже после очередной денежной реформы, когда занятая сумма превращалась совсем в ничто.

В общем, дядя Толя был тот еще фрукт.

– Тогда у меня к вам следующий вопрос. Ваш дедушка воевал?

Заданный участковым вопрос и впрямь был неожиданным.

– Сам дядя Толя не успел по возрасту пойти на фронт, а его отец и деды воевали. Мы сегодня собрались всем семейством, чтобы почтить их память. И память других, павших в той войне.

Участковый с удовольствием покивал, а потом произнес:

– Знаете, а ведь это многое объясняет.

– Что именно?

– Для вас, конечно, не секрет, что в этих местах во время Великой Отечественной велись ожесточенные бои. И бойцов, как с нашей стороны, так и со стороны фашистов, в этих местах полегло тысячи.

– Конечно, мы это знаем. Не первый год в этих местах отдыхаем. Неподалеку от нашего садоводства даже есть братские могилы.

– Совершенно верно! – подхватил участковый. – Захоронения там имеются как наших, так и немецких солдат, тела которых не удалось по каким-то причинам вывезти в Германию или те страны, откуда они к нам пожаловали. Время было такое, что всех похоронили в одном месте. И так вот, к чему я клоню. Как раз сегодня туда прибыла делегация от одной из общественных организаций, которая занимается увековечиванием памяти своих соотечественников, немецких солдат, павших в боях. Акция очень хорошая и по-своему благородная, ничего тут сказать не могу. Но к сожалению, ряд молодых и хулигански настроенных людей вздумали помешать возложению венков и вообще проведению всей этой акции. И как только сегодня в полдень члены немецкой делегации вышли из автобуса, хулиганы обстреляли их «капнтошками», только для полноты эффекта наполненными не водой, а зеленкой. Представляете, во что превратились пожилые бюргеры? Все в зеленке, несчастные и ничего не понимающие. Еще счастье, что хулиганы начали свою атаку, не

дожидаясь, пока вся делегация в полном составе покинет автобус. Поэтому пострадали лишь те немецкие граждане, которые шли впереди. Остальные остались сидеть в автобусе, который тоже украсили зеленые подтеки. Но согласитесь, это далеко не так неприятно, как получить «капитошкой» с зеленой по макушке.

– И что потом? Эти хулиганы еще что-то предприняли? Может, автобус подожгли?

– Нет, нет. Продолжения не последовало, – покачал головой усатый страж порядка. – Мы были предупреждены о возможности подобной акции и немедленно приняли меры и разогнали хулиганов. Некоторых удалось задержать с полным, но большинство рассеялось по округе.

– А при чем тут наш дядя Толя?

– Сейчас объясню. Эти молодые люди сегодня собрались вместе, чтобы похулиганить всласть. Им было все равно, что нападут они на немецких пенсионеров, таких же стариков, как и ваш дядя Толя. Мы хулиганам этого не позволили, немцев защитили, дебоширов разогнали. Так вот я что и думаю, а не могли ли они в отместку вместо немцев напасть на вашего дедушку?

И участковый вопросительно взглянул на Сашину родню. Мол, как вам такая идея?

– Если уж говорить честно, то дядя Толя по складу характера скорей уж был ближе к этим ребятам. Будь он помоложе, сам бы пошел закидывать немцев тухлыми яйцами или

чем-нибудь еще. Так что он с хулиганами скорее бы уж подружился, чем сцепился врукопашную.

– Одно дело ваш дед, его мнение, и совсем другое – это молодые хулиганы. По большому счету, им было все равно, на кого нападать. И коли уж мы не позволили им напасть на немцев, то на ком-то же им надо было потом выместить свой настрой?

Дядя Сережа задумчиво огладил бороду:

– Считаете, что энергия разрушения, которую молодые ребята в себе аккумулировали, требовала выхода?

– Точно! Требовала! И если ваш дядя Толя ляпнул этим ребятам что-нибудь такое, в чем они усмотрели вызов, они вполне могли на него напасть.

Родственники молчали. Что же, да, такое вполне могло случиться. Дядя Толя любил поучить молодежь уму-разуму. И как знать, если он прошелся по поводу их внешнего вида, манеры себя вести или даже причесок, то скандал мог вспыхнуть в один миг. И против нескольких молодых здоровых парней дядя Толя бы точно не выстоял. А те, отводя душу, избили его до такой степени, что он скончался, наверное, очень сильно напугав этим молодых хулиганов.

Глава 3

И когда все родственники уже почти свыклись с мыслью, что дядя Толя пострадал от рук подростков-хулиганов, а можно сказать, смирились с нею, а полицейские осмотрели место преступления и, забрав тело, удалились, дядя Сережа внезапно сказал:

– А зачем же эти мальцы нашего дядю Толю в багажник-то его машины запихнули?

Этот простой вопрос моментально поставил на версии усатого участкового жирный крест. В самом деле, зачем малолетним хулиганам так себя утруждать?

– Им нужно было где-то спрятать труп.

– Знаю я этот мемориал, – сказал Валера с большим сомнением. – До него от вашего дома лесом добрый километр пешком топать.

Сомнения тут же начали роиться в головах у всех.

– Что же ребята труп через весь лес сюда волокли? Нигде в лесу не нашлось оврага или бурелома, в котором они могли спрятать тело дяди Толи?

– Возможно, ваш дядя Толя еще какое-то время пожил. А ребята, выпустив пар, испугались содеянного и понесли пострадавшего туда, где, по их мнению, он мог получить помощь. Сюда. К нам. Может, дядя Толя даже сам им указал, куда его нести. Но выйдя из лесу, ребята поняли, что помощь

пострадавшему уже не нужна. Они опоздали, старик умер. И ребята спрятали труп там, где находились в данный момент. В багажнике машины, которая совершенно случайно оказалась машиной самого покойного. Это всего лишь совпадение.

Валера взглянул на брата:

– Что же ты, дундук, машину нараспашку оставил? Кто хочешь, приходи, что хочешь, бери.

– Я все закрыл! – возмутился Слава. – И ничего никто не взял, скорее уж положили и оставили.

– Еще лучше!

– Постойте, не ссорьтесь, – вмешался дядя Сережа. – Если машина стояла закрытой, как в нее дядю Толю положили?

– А я знаю? – буркнул Слава. – Сашка, ты же со мной был, скажи, что машина была закрыта.

– Я видела, как Славка перед уходом нашу машину закрывал, – неожиданно сказала тетя Маша. – Специально его просила проверить, закрыл ли он ее. Хоть и спокойно тут у вас, а всякое бывает. Всегда лучше подстраховаться.

– Ну вот!

Саша молчал. Он-то хорошо помнил: когда они со Славой подошли к машине, Слава сразу ее открыл. Ни ключей, ни пульта от сигнализации не понадобилось. Может быть, сам Славка этого и не помнит, но Саша помнит. Выходит, машина и впрямь стояла на улице гостеприимно открытой? Похоже, что так оно и есть, несмотря на то, что Славка тут всяче-

ски клянется и божится, что это не так.

– Вероятно, тот, кто положил тело в машину, каким-то образом смог ее открыть.

И все же Саше казалось странным, чтобы хулиганы определили тело дяди Толи именно в его собственную машину. Что они, другого места не нашли?

– Не верю я в такие случайности, – проворчал дядя Сережа. – Я считаю, что дядю Толю в багажник его машины положили специально.

– Зачем?

– Чтобы мы его нашли.

– И кто это сделал? Может быть, ты и это знаешь?

Дядя Сережа с ответом на этот вопрос забуксовал. За него ответил Саша.

Он сказал:

– Если Слава машину закрывал, а когда мы к ней подошли, она была открыта, то дядю Толю в багажник пристроил тот же человек, который тайком забрал у Славки ключи. Ну, или его сообщник.

Все родственники моментально смекнули, куда он клонит, и с возмущением уставились на Сашу, словно на врага народа.

– Новое кино! – всплеснул руками Валера. – Ты что нас – своих родственников в этом обвиняешь?

– Почему вас?

– Никто посторонний на вашем участке не появлялся.

Только мы своей семьей были все время рядом. Получается, что только мы и могли взять ключи от машины. Точней, кто-то один из нас. Ну, или, по твоим словам, с сообщником. Ключи взяли, багажник открыли, труп туда определили. Так?

Окончательно уразумев, что в смерти дяди Толи подозревается один из них, родственники страшно расшумелись. И что самое интересное, шумели они на Сашу.

– Ну, дожили, внучок!

– Молодец, Сашок! Так держать! Всю родню одним гуртом на нары решил спровадить!

– И как же ты будешь вычислять, кто из нас преступник?

Родственники так шумели и так сердились, что Саша был даже рад, когда отец попросил всех разойтись по своим комнатам. Все разошлись, но общий настрой от этого не улучшился.

Дядя Коля так прямо и сказал:

– Уехать бы отсюда, чтобы глаза мои ничего этого не видели, да нельзя!

А тетя Вера поддакнула супругу:

– Нельзя, Коленька. Попали мы с тобой в историю. Все наши с тобой планы на завтрашний день насмарку!

Увы, завтра предстояли очередные разговоры с полицией. Усатый Мефодыч, оставляя место преступления и многочисленных свидетелей онога, клятвенно обещал семье Купцовых, что спать этой ночью не ляжет, пока не добьется от за-

держанных хулиганов полного поименного списка всех тех, кто участвовал в сегодняшнем нападении на чужеземцев.

– Объясню ребятишкам, что они, конечно, могут выгораживать своих дружков, но тогда пойдут с ними за убийство. А могут сотрудничать со следствием и тогда отделаются условным сроком, а может быть, даже и просто штрафом. Дальше вообще все будет элементарно. Задерживаем их по очереди, и пока они не предоставят нам алиби на момент убийства, держим всю компанию у себя.

Вот тогда впервые и прозвучало слово «убийство». И как теперь вспоминал Саша, сразу после этого родственники, которые до этого смерть дяди Толи в таком контексте как-то не рассматривали, начали поглядывать на Сашу с плохо скрытой неприязнью.

– Заманили, – сказала Надя. – Как чувствовала, не надо было к вам ехать!

– Ни одного раза еще не было, чтобы вы чего-нибудь эдакого при гостях не отчебучили.

– То Лева салюты дурацкие задумает пускать, да всех вокруг подстрелит. В травму сразу на двух машинах пришлось ехать.

– Или Маринка новый соус для шашлыков состряпает, а у моей Веры приступ панкреатита случится. В больницу тогда бедную увезли.

– Но сегодня вы превзошли самих себя!

Услышав такие наветы со стороны своей родни, папа Лева

даже вскочил на ноги от возмущения:

– Вы что это? Вы это нас с Мариной и Сашкой во всем случившемся обвиняете?

Но родню его возмущение не устрасило.

С их стороны последовал невозмутимый ответ:

– В вашем доме произошло, значит, вы и виноваты.

Вот так и случилось то, чего Саша боялся больше всего. Смерть дяди Толи списали на них. Ну, не совсем, чтобы обвинили конкретно их в убийстве, но такая тенденция наблюдалась. Как говорится, вы к нам больше не приходите, хоть ложки потом и нашлись, но осадок все равно остался.

И Саша совершенно не собирался мириться с такой несправедливостью. Этого просто нельзя было допустить! Хватит уже из них делать козлов отпущения. И салюты, о которых тут упомянули и которые оказались на проверку контрафактными и к делу совсем негодными, папа не сам принял решение купить. Ему «сосватал» эти салюты его же родной дядя Коля, пообещав солидную экономию и расхвалив товар, как только возможно.

Что и говорить, салюты обошлись по чеку совсем недорого. Да вот только жадный всегда платит дважды. И когда обожженные родственники были вынуждены взять больничные, они потребовали возмещения материального ущерба именно от папы. Их даже не смутил тот факт, что папе разве что чудом удалось сохранить обе руки, которые сильно пострадали в тот момент, когда фейерверк рванул прямо перед

ним.

Но разве кто из родственничков об этом вспоминает! Нет, им удобней обвинить во всем папу и на этом успокоиться.

А уж соус, который подала мама, тот и вовсе был покупной. Все претензии к производителю. И вообще, тетя Вера, зная о своей больной поджелудочной, могла бы поменьше лопать жаренного на огне мяса и не так налегать на свой любимый залитый майонезом оливье. И совсем не обязательно, что поплохело тете Вере именно от соуса. Лично Саша как тогда думал, так и продолжал думать, что те пол-палки сырокопченой колбасы, которую тетка Вера схомячила у него на глазах, тоже могли сыграть тут свою роль.

Но родня дружно высказалась за то, что виноваты Лева с Мариной. И мама с папой потом чуть ли не целый месяц навещали обжору в больнице. И не просто навещали, а обязательно должны были привозить ей что-нибудь вкусненькое. А вкусненькое в ее понимании было обязательно жирным, острым, приторно-сладким или жутко соленым. То есть привозить требовалось все то, что тетке Вере было категорически нельзя.

Если же тетка своего пайка не получала, она устраивала родителям форменные истерики. И звонила всем родственникам подряд, жаловалась на этих жестокосердных негодяев – Леву с Мариной, которые мало, что ее в больницу определили, так еще и заботиться о ней хорошенько не желают. Хорошо еще, что главврач встал на сторону Сашиных роди-

телей. Лично провел обыск в палате у пациентки и на глазах у обомлевшей тетки Веры изъясил ее любимые охотничьи колбаски и килограммовый тортик со взбитыми сливками.

– Больше ничего не привозите! – сказала тетя Вера, в которой жадность наконец-то взяла верх над страстью вкусно покушать. – Нечего этого дармоеда моими деликатесами кормить.

И через пару дней выписалась из больницы, хотя до этого уверяла, что пролежит тут еще без малого две недели.

Но все эти прошлые фокусы были ничто по сравнению с теми обвинениями, которые родня выдвинула против Сашиной семьи сейчас. Теперь их обвиняли в убийстве. А убийство – это вам не салюты и не соус. Это дело могло обернуться для Сашиной семьи уж совсем скверно. И начало этому процессу было уже положено.

Например, дачные соседи при появлении возле дома Сашиных родителей полиции сбежались просто в невиданном доселе количестве. Многие из них приняли участие в происходящем в качестве внимательных наблюдателей. И Саша не сомневался, соседи мотают себе на ус каждое слово, неосмотрительно сказанное в адрес хозяев дома их родственниками. Сашиного отца это обстоятельство тоже тревожило не на шутку. И как только полиция уехала, он в ультимативной форме потребовал от всех посторонних покинуть его дом. После чего родственникам было предложено разойтись по своим комнатам, раз уж до завтрашнего дня никому нель-

зя покинуть поселок.

Саша ушел одним из первых. Ему было о чем подумать. Если соседи посудачат да и забудут, то родственники – дело другое. Родня у них отличалась удивительной злопамятностью. И даже куда меньшей провинности было достаточно, чтобы виновный был подвергнут всеобщему презрению и остракизму. С Сашей и его родителями родственники вообще могли прервать отношения, как случилось однажды со Славой. На целых два года его полностью изъяли из семейного общения. Славу не приглашали ни на одно из семейных сборищ. И тетя Маша сама настаивала, чтобы никто не звонил ее сыну и не поддерживал с ним отношения.

Что послужило причиной такого наказания, Саша так и не удосужился узнать. Когда спрашивал, родители отводили глаза и начинали что-то бормотать про самодурство некоторых матерей. Потом Слава снова появился на семейных сходках. Он похудел, побледнел и выглядел жалким и подавленным. Как побитый пес, вернувшийся к своим хозяевам с поджатым хвостом, он больше никуда не исчезал и всюду преданно сопровождал отца с матерью. Родители даже по такому случаю купили Славе новую машину. Ну, не совсем Славе, а чтобы они втроем могли с комфортом на ней передвигаться.

Машина была хорошая, что и говорить. Деньги в семье дяди Толи водились. Вряд ли он сам, никогда и нигде подолгу не работавший, смог бы скопить на старость приличных раз-

меров загашник. Скорей всего, дело было в тете Маше. Эта женщина никогда особо о себе не распространялась, предпочитая слушать, что говорят другие. И о том, где она работала, кто она по специальности и чем вообще занималась в жизни, Саша представлял себе очень смутно.

Но деньги в семье дяди Толи определенно имелись, и деньги немалые. Хотя при этом образ жизни у тети Маши с дядей Толей был самый обычный, жизнь они вели достаточно скромную. Одевались на распродажах, отдыхали в отелях никак не выше трех звезд и никогда не ездили на курорты в высокий сезон. Единственное, что выдавало достаток – это недвижимость. У семьи было несколько квартир. В одной квартире жил Слава с родителями, а в другой Валера с женой и дочерьми. Кроме того, имелись две или три однушки, которые сдавались и приносили доход. На лето у семьи был выстроен большой каменный дом с видом на озеро в Сосново. И дом этот был на солидном фундаменте, не чета тому курятнику, каким владел Сашин отец.

И при всей их зажиточности Саша не мог припомнить случая, чтобы их в гостях у дяди Толи хорошо угостили. Даже по случаю юбилея деликатесов на столе никогда не наблюдалось. Сыр был самым обычным, не дешевым, но и не дорогим. Колбаса средней ценовой категории. Вместо говяжьих отбивных куриные шницели.

– Но хоть не так, как у дяди Коли.

В случае застолья у тети Веры в экономии она превзошла

саму себя. В колбасах чувствовалась примесь рубленых костей, а ветчина представляла из себя сплошное сало и шкуру. Поданная курица была такой жесткой, что было даже удивительно, где тетя Вера откопала такого патриарха, на прилавках давно и по приемлемым ценам лежат отличные молоденькие цыплята. Гарнир представлял собой обычный отварной рис, который слегка украсили куркумой. А в разномастных вазочках на столе были домашние консервы, ингредиенты которых росли у тети Веры на грядках и потому ничего ей не стоили.

В этом тетя Маша недалеко ушла от своей родственницы. И делиться тем, что ей лично не стоило ни копейки, тетя Маша никогда не скупилась. А вот летом мясо на шашлыки, вино и даже хлеб гостям предлагалось привозить с собой. Трапиться на кого-то, пусть даже и на свою родню, в этой семье лишний раз не любили. Не то чтобы совсем жилились, но все-таки деньги считали.

И если так взглянуть, то самым расточительным в семье был Валерка – любимчик своей мамы. Но и его щедрость касалась лишь себя любимого. Вот Валерке случилось и в автоматы просадить немаленькую сумму, и в покер с друзьями сыграть так, что домой возвращался пешком, оставив за карточным столом и машину, и водительские права, и еще оставшись должен. Но как-то Валере все это сходило с рук. Сколько бы он ни вытворял глупостей, родители его от себя никогда не прогоняли. И Саша невольно в очередной раз за-

дался вопросом, да что же такого ужасного мог отчебучить Славка, чтобы его на целых два года изгнали из семейного клана?

Хотя проку родителям от их младшего сына было как от козла молока. Что ни попроси, всегда Валера занят. И никогда у него не было денег для других. Зато Слава, пусть и не отличался умением сладко говорить и ластиться к мамочке в нужный момент, всегда был с ней рядом, когда надо. И деньги он охотно одалживал всем, кому была в них нужда. Хотя работал Слава простым водителем, а потому вряд ли мог купаться в золоте. И опять же, где и у кого работал Слава, никто не знал. Какая-то фирма, возит какие-то бумаги из одного места в другое. Вот и все, что удалось вытянуть из этого молчуна.

– Гав! Гав!

Саша поднял голову и взглянул на Барона. Собака настойчиво смотрела на дверь. Потом пес вскочил и подбежал к двери, застыв в напряженной позе напротив нее. Мол, там пришли к тебе, хозяин.

– Кто там?

– Это я. Могу войти?

Голос принадлежал Славе.

Удивившись такому совпадению, Саша крикнул:

– Заходи!

Стоило Славе перешагнуть через порог, как Барон забегал вокруг гостя кругами, заюлил, виляя хвостом. Пока Слава

находился за дверью, пес был готов защищать от него хозяина до последней капли крови. Но если гость уже в комнате, значит, все, значит, свой. Можно и повилчать, и попрыгать, и показать, до чего же Барон раз видеть этого человека.

Но Слава лишь рассеянно потрепал собаку по ушам. Было заметно, что ему не до игр.

– А ты вовремя. Я как раз про вашу семью думал.

Слава присел на краешек стула, который жалобно скрипнул под его весом, и произнес с унынием в голосе:

– Небось не ты один. Уверен, что сейчас все по комнатам разбрелись и нам с родителями кости перемывают. Кто мог прихлопнуть батю? У кого на него зуб был? Как ты думаешь?

– Почему ты у меня спрашиваешь? – удивился Саша. – Твой же отец. Ты ему всяко ближе.

– Так-то оно так, но я уже весь мозг себе сломал, а ничего не сообразил. Ты что думаешь?

– Все равно не понимаю, при чем тут я?

– Ну, ты же у нас сыщик.

Саша тяжело вздохнул. Начинается! Так он и знал, что кто-нибудь из родни да и припомнит те несколько историй, когда Саше чисто случайно удалось вычислить преступника.

– И ты учишься на юриста, – продолжал гнуть свою линию Славка. – На юристов абы кого не берут учиться. Значит, от природы ум у тебя аналитический, как раз для раскрытия преступлений подходящий.

– Ты что, нанимаешь меня?

– Помоги! – взмолился Слава. – По-родственному! Мы же с тобой в одной лодке.

– В смысле?

– Ну, убили батю на вашем празднике, возле вашего дома. А нашли его в моей машине. Если не найдется убийца, нас с твоими предками родичи навсегда убийцами заклеят.

Саша вздохнул снова и на сей раз еще тяжелее. Славка сейчас выразил вслух ту тревожную мысль, которая снедала и самого Сашу.

– Давай вместе найдем этого гада!

– Чего там искать, – попытался отмахнуться Саша. – У полицейских уже есть версия. Завтра кто-нибудь из этих мальчишек признается в том, что это они отлупили дядю Толю. И расскажут, как он скопытился у них на руках. Уверен, сопляки натерпелись такого страха, что недолго станут запираяться.

– А если нет? Если это не они? Неужели ты веришь, что подросткам под силу протащить на себе дядю Толю да еще не несколько шагов, а целый километр его на себе волочь?

Саша задумался. Дядя Толя был мужчиной упитанным. С годами его упитанность переросла в тучность. Да еще кость тяжелая, чем он всегда хвастался. Так что веса в дяде Толе было центнер, а то и с гаком. Нарисовать, как совсем молоденькие ребята тащат на себе в такую даль такой вес, Сашино воображение отказывалось.

– Ладно, – нехотя произнес он. – Если завтра окажется, что убийцы среди малолетних хулиганов нету, я возьмусь за

это дело.

– И меня возьми в помощники!

– Тебя?

– Это же был мой отец. И... я его любил.

Голос Славы от волнения дрогнул. И Саша, видя, как терзается невозмутимый обычно Славка, тут же согласился.

Обрадованный Славка ушел, а Саша еще долго лежал, вспоминая сегодняшней день. Вспоминал он долго, начиная с самого утра, когда прибыли первые гости. Первыми по совпадению были дядя Толя, тетя Маша и их старший сын – Слава. Приехали они, и дядя Толя как вошел, так и принялся честить на чем свет стоит Сашиного отца.

– Лева, чтобы тебе удавиться и не жить! – так он и сказал. – Ну почему со мной не посоветовался прежде, чем все рушить! Дом этот вдвоем мы с братом строили. Тут и моя толика сил имеется.

После чего дядя Толя принялся бегать по дому, ахать и ужасаться тем огромным переменам, которые он находил буквально всюду. И его хорошее настроение, в котором он приехал, таяло с каждой минутой.

– И печь переложил! Вот паскуда!

И особенно дядю Толю удручил тот факт, что у дома больше не было чердака, а на его месте красовалась новенькая мансарда.

– И даже чердак не пожалел, лишенец! Ничего для тебя святого нету! А мебель... Мебель хоть сохранил?

И долго дядя Толя не мог поверить, что добротной сосновой мебели пришел конец. Он бегал по всем сараям, совал нос всюду, пытаясь найти хоть что-нибудь из старого интерьера.

– Хоть стульчик, – бормотал он. – Хоть тумбочку! Нет ничего! Даже этажерку и ту спалили!

Немного утешило дядю Толю лишь то обстоятельство, что подвал остался в неизменном виде. Несмотря на свою тучность, дядя Толя посетил это место. И назад вышел порозовевшим и слегка повеселевшим. Впрочем, его умиротворенности хватило ненадолго. Обнаружив еще какие-то новшества на участке, он вновь обрушился на бедного Леву с критикой.

– Где мой орех? – орал он так, что было слышно на всю округу. – Маньчжурский орех, который мы с братьями вырастили сами? Что? Не плодоносил, и вы его спилили? Да лучше бы вы себе ноги отпилили, чем уничтожили такое прекрасное дерево!

И объяснить дяде Толе, что орех затенял своей раскидистой кроной половину участка, а орехов давал горсть, было невозможно. Дядя Толя не успокоился даже после того, как Сашины родители клятвенно его заверили в том, что орех они спилили лишь после того, как он вымерз. И фактически пилили они уже сухую древесину.

– Это не орехи были, а одна скорлупа. И само дерево было старым.

– Орех был еще полон сил! Что ты мне рассказываешь, мальчишка! Да этот орех еще меня бы пережил, если бы вы не поторопились его выкорчевать!

И вперив в своего племянника свирепый взгляд, дядя Толя спросил:

– Объясни мне, почему именно сейчас? Сколько лет ты и пальцем о палец не ударял, все оставалось на своих местах, как было при мне и моих братьях – Пете с Витей. Так почему именно сейчас тебе приперло наводить тут свои порядки?

И что было ему ответить? Что дом долгие годы буквально зывал о ремонте и реконструкции? Это было ясно и так.

И Сашин отец попытался робко возразить дяде:

– Не понимаю, почему ты так злишься.

– Еще бы ты понимал! Ваше поколение вообще ни черта не понимает.

И тут взгляд дяди Толи упал на то место, где под яблоней раньше был колодец. Дядя Толя схватился за сердце и завопил:

– Что? И колодец засыпали?

На объяснения, что вода в колодце совершенно испортилась, что они его чистили два раза, первый раз с помощью Славы, второй раз, позвав профессионалов, но успеха так и не добились, ушло еще какое-то время. И вроде как дядя Толя стал успокаиваться. Потом приехали другие гости – тетя Катя с дядей Сережей, и накал страстей немного схлынул.

При тете Кате как-то неудобно было ругаться, такой она

была уютной и доброжелательной. А дядю Сережу в семье вообще все уважали необычайно. Был он человеком верующим и щедрым на милостыню и добрые дела. Так что с ними дядя Толя расцеловался и повеселел. Но потом приехали тетя Вера с дядей Колей, которые и сами были не прочь поскандалить. И дядя Толя снова пошел вразнос.

И новый фонарный столб ему не понравился. И хотя тут уж Сашины родители и он сам совсем не были виноваты, столбы меняли централизованно по всей улице и ни у кого из жильцов мнения не спрашивали, где и какой ставить, это было четко указано на плане электриков, дядя Толя все равно умудрился обвинить в этом хозяев.

Саша лежал и вспоминал, что же было дальше. Что делал дядя Толя? Саше казалось, что он видел старого ворчуна то с одной группой гостей, то с другой. Вид у дяди Толи был недовольный, но не более того. Вроде как он уже успокаивался. Новой грозы ничто не предвещало. И если бы не злосчастный тети-Машин запрет на рюмку спиртного, праздничный день еще мог бы закончиться вполне мирно. Увы, этого не произошло. Тетя Маша категорически потребовала, чтобы муж оставил мысль о выпивке. И дядя Толя взбесился. И ушел.

– Хотя тетя Маша и раньше запрещала дяде Толе пить, и никогда он из ее воли не выходил.

Было даже похоже на то, что дядя Толя отыскивал предлог, чтобы покинуть их сборище. Ему хотелось уйти, и он просто

искал повод, к чему бы придрататься.

– Вот только хотелось или было надо?

И считая на потолке следы от сучков, Саша задумчиво произнес вполголоса:

– Когда дядя Толя уходил, он что-то вытащил из кармана, скомкал и отшвырнул в траву.

Когда юноша дошел до этой части своих воспоминаний, он почувствовал такое волнение, что даже приподнялся на локте. Барон немедленно отреагировал. Поднял брови домиком и вопросительно взглянул на хозяина. Мол, что случилось? Но Саша не обратил внимания на этот собачий взгляд.

– Точно! – шептал он. – Дядя Толя отшвырнул в сторону какую-то скомканную бумажку. И что за бумажка это была?

Тут уж волнение охватило Сашу всего целиком, он просто не мог лежать дальше. Вскочил на ноги, схватил фонарик и кинулся вниз. Никакой логикой тут и не пахло. Сашин поступок ей попросту не подчинялся. Подумаешь, какая-то бумажка, которая дяде Толе даже в тот момент показалась ненужной. И зачем она теперь понадобилась Саше? Но его внезапно прямо затрясло всего от желания узнать, что же было на той бумажке.

– Пойду поищу, а то все равно не усну. Я так чувствую.

И как совсем скоро выяснилось, не одного Сашу интересовала эта бумажка. Когда юноша вышел из дома, он сразу направился в сторону ворот. Где-то тут дядя Толя и сделал свой прощальный жест рукой, отшвыривая что-то в сторону.

Да, полетело куда-то вон туда. В траву. Во всей этой истории было очень много неопределенности, но одно Саша понимал сейчас точно. На том месте, куда предположительно приземлилась скомканная бумажка, толклась еще одна личность. Конкурент! Искатель чужих записок!

Издалека Саша не мог рассмотреть, кто это такой там возится, но когда он подошел ближе, то увидел незнакомого паренька. Щуплый, худенький, в джинсах и свитерке, он буквально на коленках ползал по траве.

И вот тут Саша допустил промах.

Он крикнул:

– Эй, ты что тут делаешь!

В ту же секунду, даже не оборачиваясь на его голос, паренек дал стрекача. Это было так неожиданно, что Саша даже не сразу решился за ним последовать. Барон соображал лучше, он метнулся за чужаком с громким лаем. Собака погналась за незнакомцем прямо по грядкам и клумбам. Пару раз на ходу Барон получил по носу, но это лишь прибавило псу азарта.

Увы, и Барон был вынужден спасовать перед забором, через который этот юркий клоун перелетел одним махом. Саша даже оторопел, когда увидел, как этот тип буквально взлетел в воздух, лишь придерживавшись одной рукой. Саша так бы ни в жизни не сумел, хотя по физкультуре у него было твердое «пять» и нормы на значок ГТО он сдавал вполне успешно. Но штурмовать вот так в прыжке забор Саша даже и пытаться-

ся не стал. И вместо того, чтобы прыгать через забор, побежал к воротам.

К сожалению, когда Саша выскочил на улицу, она была уже пуста. Таинственный гость растворился в воздухе.

– Вот ведь засада! – ругнулся Саша.

Ругался он больше от досады на самого себя, нежели по какой другой причине.

– Не мог помолчать, – сердито попенял он самому себе. – Подобрался бы ближе да и схватил его. Хотя с Бароном фиг бы я к нему незаметно подобрался.

Барон уже вернулся назад и теперь крутился возле хозяйна. Пес был тоже сконфужен неудачей и потому старательно делал вид, будто бы ничего особенного не произошло. Крутил головой по сторонам и лишь время от времени поглядывая на хозяина, мол, ты чего такой взбудораженный? Я вот даже и не помню, что тут было. Разве что-то случилось?

– Растяпы мы с тобой!

Но сделанного назад не воротишь, это Саша понимал. И поэтому вернулся назад к тому месту, на котором повстречал чужака.

– Что же он тут искал?

Саша опустил на колени и пополз по траве, как давеча незванный гость раздвигая ее руками. Ему повезло. Не прошло и нескольких минут, как юноша наткнулся на скомканный клочок. Бумажка немного намочила от выпавшей вечерней росы, но все же на ней можно было прочитать несколько

фраз, написанных незнакомой рукой.

«Если не хочешь, чтобы девчонка заговорила уже сегодня про дела „Красного Комиссара“, приходи. Жду тебя на нашем старом месте».

Ни имени, ни подписи под этими строчками не было. Имелась приписка:

«Приходи сразу, как только приедешь к Леве, дело срочное».

И все же, несмотря на всю скудость информации, кое-что Саша из этого послания выжать смог. Во-первых, записка предназначалась дяде Толе, поскольку выбросил ее именно он. Во-вторых, автор записки был знаком заочно или лично с членами семьи дяди Толи, автор знал, что дядя Толя приезжает в гости именно к Леве. И в-третьих, что понимал теперь Саша, их дядя Толя боялся или во всяком случае опасался некоей девчонки, которая могла рассказать про «Красного Комиссара». Поскольку эти два слова были взяты в кавычки, можно было догадаться, что речь идет не о конкретном красном комиссаре, а о некоем месте или организации.

Саша порылся в своей памяти, но был вынужден признать:

– Никогда такого названия не слышал.

И последнее, что показалось Саше важным, это была приписка. Если автор послания требовал от дяди Толи явиться на встречу с ним сразу же после приезда последнего, значит,

автор находился где-то поблизости и имел возможность отслеживать перемещения дяди Толи. И наконец, как вишенка на торте, было упоминание о том, что явиться дядя Толя должен на «старое» место. И это значило, что с автором послания дядя Толя был хорошо знаком и уже неоднократно встречался в том самом заветном «нашем старом» месте.

С этими выводами Саша и отправился назад к себе в комнату. Ему нужно было все хорошенько обдумать. Но сколько он ни ломал голову над содержанием записки, получалось, что ответов все равно меньше, чем вопросов. Где искать автора записки? Кто он? Что за отношения связывали его и дядю Толю?

В кровать Саша лег, по-прежнему крепко сжимая записку в руке. Потом он осторожно ее свернул и убрал под подушку. Это было давнее испытанное средство, много десятков лет применявшееся в их семье в случае встречи с какой-то неразрешимой проблемой. Написать ее на листке бумаги и положить на ночь в изголовье. Саша по подсказке бабушки всегда так делал с конспектом накануне экзамена. Бабушка уверяла, что за ночь знания просочатся из книжки прямоком в голову, и на экзамене внук будет давать неизменно верные ответы, даже не задумываясь, откуда они у него берутся. И надо сказать, что почти всегда со своих экзаменов Саша возвращался домой триумфатором.

Авось старый бабушкин метод сработает с ним и сегодня.

Глава 4

Проснувшись утром, Саша первым делом сунул руку под подушку. Может, ночное приключение ему всего лишь приснилось? Нет, не приснилось. Записка была все еще там. Примятая подушкой, она спокойно лежала в кровати. К сожалению, за ночь никаких явных ответов в голове у Саши не сформировалось. Так что на найденную вчера в траве записку и на собственную подушку парень посмотрел с большим осуждением.

– Подвели вы меня. Хоть бы какой намек дали. Жалко вам, что ли!

Барон коротко гавкнул. Мол, с кем ты там разговариваешь? Я же тут! И Саша протянул записку ему. Барон сначала схватил ее зубами, но быстро опомнился, осторожно разжал челюсти и обнюхал бумажку. Вид у него был задумчивый. Саша тоже понюхал бумажку. Вроде бы пахло какими-то духами. Но запах был не женский, а скорее мужской. Нотки горького миндаля или что-то в этом роде.

– Эх! Мне бы твой нюх.

Барон и не возражал. А Саша спустился вниз к остальным. Мама уже накрыла для завтрака стол на кухне, ей помогали другие женщины. Ну, как помогали? Сидели за столом и сплетничали, развлекали суеязущую хозяйку рассказами из своей жизни и жизни своих близких. Единственной, кто ре-

ально хоть немножко маме помогал, была Таня, жена Валеры. Она брала тарелки и все прочее, что давала ей хозяйка, и переносила их к обеденному столу, за которым уже собирались гости.

Стол был большой, овальной формы, десять человек за ним помещались легко и свободно. Но всему семейству Купцовых даже за таким столом должно было показаться тесновато. Народу на даче собралось очень уж много. Не считая двух девочек Валеры, вчера на праздник прикатило тринадцать человек. Роковое число, как не преминул заметить дядя Коля, который сделал выговор Леве, – зачем пригласил именно тринадцать человек. Можно подумать, это папа регулировал количество своей родни.

Конечно, теперь после смерти дяди Толи взрослых гостей на даче осталось всего двенадцать, но и это было много. Ведь если прибавить сюда еще трех членов Сашиной семьи, самих хозяев дома, то получалось уже пятнадцать. И еще две девочки, каждая из которых требовала себе отдельную тарелку, стул и все прочее, что полагается взрослым гостям. И все это нужно было сейчас и сразу. Неудивительно, что у мамы сегодня был несколько растерянный вид. Одно дело принять такое количество гостей на один день, когда большую часть времени гости проведут в саду или гуляя по округе, и совсем другое, когда они остаются в доме да еще на неопределенное время.

Впрочем, насчет того, что подать гостям к завтраку, во-

просов не возникло. Стол сервировали остатками вчерашней трапезы, которых оказалось так много, что на них можно было пировать еще пару дней. Но так долго задерживаться, ясное дело, никто не хотел. У всех были свои дела. Да и пребывание в доме, где все напоминало о вчерашней трагедии, на гостей действовало угнетающе. В этом мнении все были единодушны. Так что атмосфера за завтраком царила несколько напряженная.

Наконец дядя Сережа, как старший теперь мужчина в семье, заметил:

– Пожалуй, мы должны признать, что не знаем, кто убил нашего деда Толю. И обвинять во всем случившемся одного Леву было несправедливо. Извини нас за вчерашнее. Боюсь, что у нас у всех сдали нервы.

Дядя Сережа извинялся не за себя, а за других. Сам он вчера ни единого дурного слова не сказал в адрес Сашиной семьи. И в этом был весь дядя Сережа.

Сашин отец с благодарностью взглянул на своего двоюродного брата и произнес:

– Это был не самый приятный вечер. Мы все погорячились.

Мир был восстановлен. И все с еще большим аппетитом взялись за завтрак.

Саша счел момент подходящим и спросил:

– Кто-нибудь слышал про местечко под названием «Красный Комиссар»?

Ответом ему было недоуменное молчание.

– Кажется, в Саратове был завод имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, – сказал дядя Коля и тут же задумчиво прибавил: – Или это было не в Саратове? И не завод вовсе это был, а колхоз?

– При чем тут Дзержинский?

– Ты же спрашивал про красных комиссаров? А Железный Феликс – он самый главный комиссар в стране и был. Это по его инициативе был организован красный террор.

Саша покачал головой. Нет, дядя Коля говорит совсем не про то.

– Ну а больше я ничего не знаю. И с чего вдруг ты заговорил об этом?

Саша объяснил. Разумеется, все тут же захотели посмотреть на эту записку. А посмотрев, вынесли единодушный вердикт – почерк им незнаком.

– И тут нету адресата, – заметил дядя Коля. – С чего ты взял, дурачок, что записка предназначалась дяде Толе?

– Она выпала из его кармана. Я это видел.

– Ты видел, что у дяди Толи из кармана выпала бумажка. Но что это была конкретно за бумажка, этого ты же не видел?

Пришлось Саше признаться, что детально бумажку он не разглядел. С того расстояния, на котором Саша находился, сделать это было невозможно.

– Значит, бумажка у Толи в кармане могла быть и совсем другой. Старый билет или обертка, что-нибудь в этом роде.

Она и выпала у Толи из кармана, но упала в том месте, где уже лежала твоя находка или где она потом оказалась. И ты нашел совсем не Толину бумажку, а чью-то еще.

Дядя Коля насладился впечатлением, которое произвели его слова, и продолжил:

– Теперь второе, если даже именно эта бумажка выпала из Толиного кармана, то он и сам мог незадолго до этого поднять ее с земли. Скажем, чтобы использовать ее для розжига дров в мангале. Как бы там ни было, Толя явно не придавал ей особого значения, раз так легко с ней расстался.

Саше пришлось согласиться, что и это тоже могло быть именно так, как рассказывает дядя Коля. И все же несмотря на авторитетное мнение дяди Коли, сам юноша чувствовал, что с запиской этой далеко не все так просто.

Но разговор пришлось свернуть.

– Что это мы засиделись? – спохватилась тетя Катя. – Пора уже и в отделение ехать. Нехорошо заставлять полицию нас дожидаться.

– Да, не мешает разобраться уже с этим делом до конца, – согласилась с ней тетя Маша, – и заодно машину себе вернуть. Мало ли что там они с ней сделают.

После обнаружения в багажнике тела бедного дяди Толи машину забрали в качестве улики. Полицейские отбуксировали ее к себе на стоянку, чтобы там ее могли спокойно осмотреть эксперты. Вроде бы ничего такого в том, чтобы вернуть себе свою собственность, не было, но почему-то

слова тети Маши неприятно резанули Сашино ухо. Только вчера тетя Маша потеряла мужа, с которым прожила не один десяток лет, подняла двоих сыновей, суток еще не прошло с того момента, а она уже думает о том, как бы с их машиной чего-нибудь не случилось.

Всем не терпелось поставить точку в деле об убийстве дяди Толи. И все надеялись, что полиция им в этом поможет. Точно так же как их гостям хотелось сделать поскорее ноги, так и хозяевам хотелось остаться одним. Но мечты эти так и остались мечтами.

Стоило семейству Купцовых приехать в полицию, как их встретил давешний усатый участковый Мефодьич, который с хмурым видом заявил:

– Плохи наши с вами дела. Думал, что малой кровью отделаемся. Да не тут-то было. Из города к нам следователь едет.

– Зачем следователь? Вы же вчера сказали, что за ночь найдете преступника.

– Так-то оно так, – признался участковый. – Сказать я сказал, а только не вышло у меня ничего!

– Как же так? Не удалось задержать хулиганов?

– Задержать мы их сумели. Да и чего их там было задерживать, дома все они к этому времени спали. Обычные пацаны, ни в каком криминале до сих пор замешаны не были.

– И все же они напали на нашего дядю Толю!

– Боюсь, что убийство вашего дедушки мне им никак не вчинить. Сразу же после неудачного нападения на автобус с

немцами эти сопляки с испугу кинулись к станции, вскочили в ближайшую электричку и укатили на ней.

– Это может быть неправдой!

– Они знают, что натворили. И врут!

– Или они проехали одну остановку, вышли и вернулись назад, где по дороге и встретили нашего дядю Толю.

Участковый покачал головой:

– Эта версия не пройдет. Объясняю почему. Денег у ребят при себе не было. При появлении контролера билеты они приобрести не смогли. И кроме того, вели себя так нагло и вызывающе, что были задержаны сотрудниками полиции на транспорте. Те продержали пацанов у себя несколько часов, переписали их данные, оформили штрафы, а потом отпустили, предупредив, чтобы в случае неуплаты мальчишки ждали вызова в суд.

– Хотите сказать, когда на нашего дядю Толю напали, хулиганы были далеко отсюда?

– И далеко, и под надежным присмотром. Так что алиби у них будь здоров, нипочем не подкопаешься.

– У всех?

– У всех.

– Может, хоть парочка ускользнула от вашего внимания?

– Мы всех ребят допросили, никто из них не упомянул, что с ними был кто-то еще.

И помолчав, участковый произнес:

– В связи с этим возникает резонный вопрос, если не па-

цаны, то кто тогда убил вашего старичка? Сами понимаете, мне решать такие загадки не по плечу. Так что сюда из города откомандирован следователь-криминалист. И с минуты на минуту он будет тут. Он мне уже звонил и предупредил, чтобы вы все задержались. Он хочет побеседовать с каждым из вас отдельно.

Эта новость всех заставила оторопеть.

– Плакала моя поездка на футбол, – пробормотал Валера. – А мы с ребятами столько к ней готовились!

Остальные родственники тоже приуныли. А уж когда появился городской следователь, все и вовсе стало плохо. Фамилия его была Железнов. И характер, судя по первому впечатлению, следователь имел соответствующий фамилии. И первые же слова нового следователя заставили всех родственников потерпевшего погрузиться в пучину самого настоящего отчаяния.

– Вплоть до окончания расследования попрошу всех оставаться по месту вашего вчерашнего пребывания в «Шишках».

«Шишки» – это было название садоводческого товарищества, где у родителей Саши был домик. И это значило, что вся команда родственников должна оставаться в их доме еще невесть сколько времени.

– Это незаконно удерживать нас в этом месте!

А дядя Коля, который не привык сдерживать свои чувства, высказался еще прямей:

– Я не стану выполнять эти ваши дурацкие указания! Захочу уехать и уеду! И ничего вы мне не сделаете! Вот так вот!

– Уедете, пеняйте на себя, – холодно произнес следователь. – Предупреждаю, что всякий, кто без согласования со следствием покинет место преступления, будет автоматически рассматриваться следствием в качестве главного подозреваемого. Ясно?

Все молчали.

– И если сейчас подозреваемых у меня целых пятнадцать человек, не считая двоих несовершеннолетних детей, то стоит кому-то из вас уехать, как это будет засчитываться как попытка к бегству и признание собственной вины.

После такой постановки вопроса спорить со следователем ни у кого больше желания не возникало.

– А как же работа?

– Есть еще два выходных дня – десятое и одиннадцатое. Будем считать, что за эти два дня мы должны управиться с этим делом, вычислить, а по возможности и изобличить преступника.

– Но почему вы считаете, что преступник – это кто-то из нас?

– Я этого не говорил. Но по теории вероятности, в девяти случаях из десяти, преступник – это человек, который что-либо выигрывает от смерти потерпевшего.

– Наследник?

– Наследники находятся у нас на подозрении в первую

очередь.

Тетя Маша тихонько ахнула:

– Вот так дела! Мужа потеряла, так еще и под суд могу запросто угодить.

– Не вы одна.

– Я – жена. Я и наследница!

– У вашего мужа имеются двое сыновей, – сказал следователь, автоматически ставя против их трех имен галочки. – Ваши сыновья также являются наследниками своего отца.

– Нет! Все наследство мое! Мы с Толей еще пару лет назад написали завещания в пользу друг друга.

– Вот как.

И следователь стер галочки напротив имен Славы с Валерой, и наоборот, напротив имени тети Маши поставил сразу три галочки.

– А мне скрывать нечего! Все мое! Как пару лет назад мы с мужем решили, так решения своего и не меняли. И не в чем меня подозревать. Это распространенная практика среди супругов.

И ведь как раз пару лет назад Славку изгнали из семьи. Саша отметил этот факт машинально. И тут же подумал, ну, не странно ли, что именно в то же время тетя Маша с дядей Толей написали свои завещания. Как знать, может, случившиеся одно за другим эти два обстоятельства как-то связаны между собой?

Между тем помощники следователя раздали всем присут-

ствующим листки бумаги и ручки.

– Я прошу всех сосредоточиться и написать предельно точно, кто и чем занимался в промежутке между двенадцатью и двумя часами пополудни.

Ага! Вот и время убийства нарисовалось. И спрашивать ничего не пришлось. Получается, дядю Толю убили еще до того, как все Купцовы спохватились, что он отсутствует. В три часа дня, когда они пустились на поиски, дядя Толя, исходя из фразы следователя, был уже мертв. И ни у кого из них в душе ничего не ёкнуло, когда дядя Толя делал последний свой вздох. Во всяком случае, у Саши точно ничего не ёкало. А еще внук называется!

Саше внезапно стало очень стыдно. Теперь единственное, что он может сделать для дяди Толи, это напрямч память и помочь следствию в поисках убийцы. Саша взял предложенный ему лист бумаги и начал старательно записывать все, что ему запомнилось с того момента, как дядя Толя их покинул. Точно так же серьезно отнеслись к заданию и остальные. На протяжении получаса в комнате стояла почти полная тишина, лишь время от времени кто-нибудь задавал наводящий вопрос:

– А что мы до туалета все по очереди ходили, это учитывать? Некоторые и по нескольку раз отлучались.

– А другие по двадцать минут сидели!

– А салат тетя Катя когда из машины принесла? До того, как мы первую порцию мяса приготовили, или уже после

второй? Если после второй, то это уже около трех часов дня было и не считается.

В общем, все отнеслись к делу серьезно. Но на взгляд Саши, толку от этой затеи было чуть. Все они так или иначе отлучались на протяжении этих двух часов. Стопроцентного алиби не оказалось ни у кого. Ведь трудно было сказать, где именно напали злодеи на дядю Толю. Это могло случиться даже прямо у них на участке. Убийца забил старика-инсультника насмерть, припрятал на время его тело где-нибудь в кустах, а потом...

Вот с этим потом возникала серьезная загвоздка.

Если на то, чтобы убить дядю Толю, временного промежутка в десять-пятнадцать минут еще хватало, то на то, чтобы транспортировать его тело к машине, уже нет. Разве что дядю Толю прихлопнули сразу возле машины, чтобы далеко с трупом не бегать. Но извините, это же такой риск! Дубасить дядю Толю прямо посреди улицы. Пойти на него мог разве что полный безумец! А потом еще надо было раздобыть ключи от машины, отключить сигнализацию, открыть багажник, загрузить туда тело дяди Толи. И все это следовало проделать там, куда в любой момент мог выйти кто-нибудь из гостей.

Да, конечно, их улицей и особенно тем отрезком от последнего дома до леса мало кто пользовался. Но все-таки пользовались. Лично Саша нипочем не решился бы светиться на улице с трупом дяди Толи на руках. А вдруг кто прой-

дет мимо и увидит?

Когда все заполнили свои листки и потянулись сдавать их, Саша подошел к следователю Железнову одним из последним.

– Я тут нашел записку, которую вчера днем перед уходом потерял дядя Толя. Верней, не потерял, а выкинул. Может быть, она вам пригодится?

Следователь записку взял, но на Сашу посмотрел строго.

– Заляпал улику.

– Это не я! Это она на траве лежала, а там земля, роса, вот и испачкалась немножко.

– Да я не про это. Ты ее своими пальцами трогал?

– Ну, не чужими же.

– А это значит, что на записке полно твоих отпечатков.

Саше стало стыдно. И как он забыл такую примитивную вещь?

– Я не подумал, что эта записка может быть важна.

– Когда касается убийства, любой пустяк может быть важен. Это же улика! А теперь на улике находятся твои отпечатки.

Следователь бережно разглядел записку и положил ее в целлофан, а целлофан положил в папку и закрыл ее.

– Конечно, полноценной уликой она считаться не может, – заметил он уже спокойней, – потому что изъял ты ее против установленных правил. Мало ли, где ты ее взял. Может, совсем не там, где говоришь. Но к делу я эту бумажку приоб-

цу. А что это за «Красные Комиссары» такие?

– Сам хотел бы это знать.

– Ладно. Спасибо тебе, парень, за сотрудничество.

Вот и та заветная минута, которая решает все.

– Может, я еще чем могу помочь?

Следователь взглянул на Сашу еще внимательнее:

– Хочешь нам помогать в расследовании?

– Очень!

– Это же ты обнаружил тело убитого?

– Мы со Славкой. И знаете, я считаю, вам нужно выяснить, что делал каждый из гостей вплоть до обнаружения тела дяди Толи.

– Нас интересует лишь тот промежуток, который соответствует времени убийства. Не больше и не меньше.

– Но труп могли запихнуть в багажник и позднее. Убили часа в два, а труп положили уже после. Мы ведь искали дядю Толю с трех часов дня до пяти. Потом еще на кладбище ездили...

Саша запнулся. Новая мысль осенила его внезапно. Там на кладбище они обнаружили могилу дедушки Николая ухаживаемой и принаряженной. Но так и не выяснили, кто мог постараться, если все Купцовы были в гостях у Сашиных родителей и на кладбище с утра не ездили. В тот момент никто не придавал этому особого значения. Но теперь, когда произошло убийство, все мелочи приобретали грандиозную важность. Как там сказал следователь, в убийстве мелочей не бывает.

Так оно и есть.

– Ты что замолчал? – одернул Сашу следователь. – И за чем вы на кладбище ездили?

– Мы думали, что дядя Толя мог туда поехать. Но там его не было, и мы вернулись домой. Одним словом, тело дяди Толи мы со Славкой нашли уже около семи вечера. Получается, что с двух и до семи часов вечера у убийцы было целых пять часов, чтобы определить тело в багажник машины.

– Так оно и было. Я имею в виду, что место преступления и место обнаружения вами тела пострадавшего – это разные места. Убийство произошло где-то в окрестностях вашего садоводства. Где именно, мы сейчас устанавливаем. Но убийца по какой-то причине не хотел оставлять труп на месте преступления. Поэтому он сел за руль машины и сперва отъехал на ней, а затем вернулся назад. Полагаю, что вернулись уже с трупом, поскольку ведущие в обратном направлении следы рисунка протектора отпечатались глубже. А это значит, что вес машины также увеличился.

– Ничего себе!

Теперь Саша понял, как ошибался в своих догадках. Не такой убийца дурак, чтобы светиться посреди улицы с трупом дяди Толи на плечах. Труп лежал в укромном местечке, куда убийца прикатил на машине. Там он без помех запихнул убитого в багажник. И спокойненько вернулся назад. Никто даже не заметил, что Славкина машина куда-то на время исчезала. Она же стояла дальше всех по улице, почти у самого

леса!

– Преступник очень постарался поставить машину в точности на то место, откуда он ее и забрал. Но все-таки видно, что она отъезжала, а потом вернулась. И вернулась более нагруженной, чем отъезжала.

– Но в машине должно быть полно отпечатков пальцев преступника.

– Их нет.

– Как? Вообще нет отпечатков?

– Отпечатки хозяев, пусть и в небольших количествах, но в машине имеются. Но нам-то нужны не они.

– А как вы отличите отпечатки тети Маши и Славки, которые чаще всего пользовались машиной, от отпечатков убийцы? У вас же нету образца их отпечатков, вам не с чем сравнивать.

– Конечно, есть у нас ваши отпечатки. Все ваши отпечатки мы сняли.

– Когда? – удивился Саша. – Я этого что-то совсем не помню.

– Сегодня, когда вы писали эту белиберду, вам всем принесли по стакану воды.

– Да, помню. На подносах разнесли. Каждому.

– Так что ваши отпечатки у нас теперь есть, – невозмутимо сообщил следователь. – Но что-то мне подсказывает, что они тут не пригодятся. Убийца был в перчатках. И кроме того, он очень тщательно протер руль, ручку передач, даже

торпеду. И сам багажник чистенький. И даже на трупе нам не удалось найти посторонних отпечатков. И не будет их там. Единственный выход, найти место преступления и надеяться, что хотя бы там убийца не был так осторожен. Но это трудно. Очень трудно. Садоводство у вас большое. К тому же праздник, посторонних, туристов и просто гостей приехало много. Куда именно забрел потерпевший, мы пока не знаем.

– А по следам нельзя проследить, куда машина отъезжала?

– В том-то и дело, что дело это совсем не такое простое. Сперва машина поехала в направлении леса. А как ты сам знаешь, вдоль леса тянется достаточно широкая просека, по которой машина проехала без особого труда. Там в грязи следы видны вполне отчетливо. Но дальше машина выкатилась на асфальт. Могу предположить, что водитель совершил этот маневр осознанно, чтобы запутать следы. И если это так, то он весьма хитер и осторожен. Есть такой человек в вашей семье?

Неожиданный вопрос поставил Сашу в тупик. И что ответить? На кого указать? Конечно, его родственники далеко не самые приятные люди, но чтобы убивать... А потом еще так хладнокровно раскатывать с трупом в багажнике по округе! Да, патрульные машины ДПС появляются у них в садоводстве редко, но все же они тут бывают. И если подумать, то перевозить труп в багажнике машины, когда ты сам находишься за рулем этой машины, это ничуть не меньшее безумие, чем прятать его среди бела дня посреди дороги, где любой

может тебя увидеть.

Таких отчаянных сорвиголов среди своих родных Саша что-то не припоминал. Все они были люди серьезные, солидные и в чем-то даже скучные. Кто угодно другой мог оказаться убийцей, но только не они.

И поэтому Саша в ответ на вопрос следователя произнес:

– А что бы вы ответили, если бы вас спросили, а не скрывается ли среди ваших родственников убийца?

– Я бы проанализировал характер каждого, а потом бы сказал правду, что подозреваю того-то и того-то.

– Я не знаю, – с сомнением проговорил Саша. – Я так не могу.

– Очень жаль.

Следователь поскущел и теперь смотрел на Сашу, словно хотел ему сказать:

– Разочаровал ты меня, парень.

Но вслух следователь сказал совсем другое:

– Иди и помни, рядом с тобой совершено убийство. И убийца где-то совсем близко. Если его не остановить, он будет убивать снова и снова. И возможно, в следующий раз его жертвой станет кто-то действительно близкий тебе.

Только не это! Еще убийства?

– Когда случается такое, нельзя позволять эмоциям одержать верх над собой. Отключи все свои эмоции, оставь одну логику. И по возможности подключи к ней интуицию. И если возникнут на чей-то счет подозрения, мигом беги с ними

ко мне.

Саша вышел на улицу с неприятным ощущением, что не сможет оправдать надежд хорошего человека. Не потянет. Слабак. И как будто бы этого было мало, так еще на улице он наткнулся на своих родственников, которые сверлили его недобрыми взглядами.

– И о чем это наш великий сыщик беседовал со следователем?

– О чем вы там с ним шушукались?

– Прикидывали, кого будет лучше засадить за решетку?

Еще вчера Саша бы обиделся на такие предьявы своих родственников не на шутку. Но сегодня после разговора со следователем с ним что-то случилось. Саша даже внимания не обратил на подначки своей родни. И пусть себе говорят. Чем больше говорят, тем скорее проговорятся. Если убийца и впрямь член их семьи, а все указывает на это, то рано или поздно преступник сам себя выдаст. Надо лишь отключить эмоции, слушать и наблюдать. И преступник неизбежно проколется.

Саша внезапно ощутил прилив сил и уверенности. Он обязательно раскроет это дело. Раскроет и навсегда утрет нос своим родичам. Больше они не посмеют смеяться над ним и его родителями. Почувствовав, что эмоции вновь берут над ним верх, Саша мысленно сосчитал до десяти. И успокоившись, прикинул, чем же ему предстоит заняться в первую очередь.

Место преступления полиция найдет и без него. Железнов производил впечатление человека, умеющего заставить других работать. Полицейские метр за метром, участок за участком прочешут все их садоводство. Понадобится, так осмотрят все прилегающие к нему лесные массивы, но место преступления они найдут. А потому самому Саше лучше заняться другим.

Для начала хорошо бы пройтись по соседям. И в первую очередь нужно уделить внимание старожилам. Тем старикам, которые живут в этих местах не первый десяток лет. Если поискать хорошенько, то среди них могут оказаться даже такие, кто еще помнит всех трех братьев Купцовых живыми и здоровыми. Как деда Петра – родного деда Саши, так и его братьев – Толю с Витей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.